

Тверской государственной университет

На правах рукописи

ФИЛИНСКИЙ Алексей Анатольевич

**КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА ПРЕДВЫБОРНЫХ
КАМПАНИЙ 1999-2000 гг.**

10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор М.Л. Макаров

Тверь 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1.....	15
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	15
1.1. Коммуникативно-языковые особенности политического дискурса.....	15
1.1.1. Дискурс как предмет лингвистического изучения	15
1.1.2. Понятие «политический дискурс»	19
1.1.3. Функции политического дискурса	24
1.2. Социально-когнитивные особенности политического дискурса.....	32
1.2.1. Институциональность политического дискурса	32
1.2.2. Конвенциональность политического дискурса	35
1.2.3. Идеологичность политического дискурса	40
1.2.4. Интертекстуальность политического дискурса.....	50
1.3. Выводы к Главе 1.....	54
ГЛАВА 2 КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	57
2.1. Конструирование манипулятивной модели дискурса	57
2.2. Стереотипизация политического дискурса	60
2.3. Реификация оппонента	69
2.4. Делегитимация оппонента.....	73
2.5. Амальгамирование (мы-дискурс)	79
2.6. Героизация.....	83
2.7. Выводы к Главе 2.....	86
ГЛАВА 3 КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА	88
3. 1. Методология критического анализа дискурса	88
3.2. Критический анализ дискурса НПСР.....	91
3.3. Критический анализ дискурса В. Путина	106
3.4. Выводы к Главе 3.....	117

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	119
СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	122
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	123
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ТЕКСТЫ ПЕРСОНАЛИЙ	ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 ТЕКСТЫ СМИО	ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

ВВЕДЕНИЕ

Речь политиков стала объектом пристального внимания со стороны исследователей еще во времена Древней Греции и Древнего Рима, когда были предприняты первые попытки систематизировать основные риторические ходы для придания речи благозвучия и большей убедительности.

Более активное изучение политической коммуникации началось в середине прошлого века и было обусловлено, по крайней мере, двумя факторами:

1) внутренними потребностями лингвистической теории, которая в разные периоды истории лингвистики обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы; 2) собственно политологическими проблемами изучения политического мышления, его связи с политическим поведением; необходимостью построения прогнозирующих моделей в политологии, а также разработки методов анализа политических текстов и текстов средств массовой информации для мониторинга различных тенденций в сфере общественного сознания.

Интенсивное изучение политической коммуникации привело к появлению различных направлений или школ, отражающих историко-культурное наследие своих государств.

Во французском направлении анализа политических текстов основополагающим стало сочетание исследований в области политологии, политической философии (в основном марксизм) и направления французской лингвистической школы.

Во Франции традиционно выделяются две методологические линии. Первая из них представляет собой «политическую лексикометрию», использующую статистический подход к анализу политического лексикона. Метод, разработанный «Лабораторией лексикометрии и политических текстов» (Laboratoire Lexicométrie et textes politiques), основывается на сопоставительном изучении отдельных политически релевантных текстов (в основном тексты Французской Коммунистической Партии) с учетом относительной

частотности употребления определенных маркированных лексем [Bonnafous, Tournier 1995].

В целом такая методология охватывает макро-социологические и исторические вопросы политического дискурса. Например, некоторые исследования показывают, как относительная частотность употребления *travailleur* и *salarie* варьируется в документах и официальных текстах французских профсоюзных деятелей, представляющих различные идеологии и политические взгляды, и как эта частотность изменяется со временем (начало 1970-х и конец 1980-х), отражая хронологические сдвиги в политических идеологиях. Сами исследователи подчеркивают, что количественный анализ, представленный их методологией, обеспечивает лишь базис для интерпретативного анализа политического дискурса.

Второе методологическое направление неоднородно. Наиболее ярким является течение, основывающееся на марксистских взглядах на общество Л. Альтуссера, в которых подчеркивается значение «государственного аппарата» [Récheux 1990]. Это направление отражает дискурсивный подход к политическому феномену государства как комплексному набору дискурсов, создающих политические «объекты».

В рамках данного направления исследуются также конкретные риторические модели, например, методики манипулирования в период проведения президентских кампаний 1988 и 1995 гг. [Groupe de Saint-Cloud 1995].

В Германии анализ политического языка, политических текстов и политического словаря во многом определяется специфическими политическими интересами немцев, в особенности связанными с историческим прошлым фашизма и последующим политическим разделением Германии на два немецких государства.

При изучении языка фашизма особое внимание уделяется лексике, ее использованию и значению [Klemperer 1975]. Язык национал-социалистов рас-

смачивается как социальный феномен, характеризуемый специфическими дискурсивными практиками [Ehlich 1989].

В немецкой школе прослеживается развитие методологии от лингвистического анализа, нацеленного на изучение лексики, до коммуникативного анализа, ориентированного на текст и дискурс.

В области сравнения семантической структуры политического словаря Восточной и Западной Германии были предложены концепции связи с идеологией (*Ideologiegebundenheit*) и идеологической полисемии (*ideologische Polysemie*) [Dieckmann 1981].

Исследования немецкой школы также затрагивали критическое отражение стратегического использования политических концептов для достижения специфических политических целей.

Под влиянием англосаксонского прагматического направления, конверсационного анализа и анализа произведений средств массовой информации рассматривались организационные принципы лингвистических действий (таких как стратегии ролевой игры, схематическая ориентация, речевые акты), реализующиеся в интервью с политиками, в политических выступлениях и теледебатах [Holly 1989].

Процесс политической трансформации в Восточной Германии и последующее объединение Германии расширили сферу применения анализа политического дискурса. Многочисленные подходы (в основном с точки зрения прагматики, социолингвистики и когнитивной лингвистики) использовались для анализа изменений в политическом лексиконе, ритуальном дискурсе бывшей ГДР и изменений в типах текстов и дискурсивных стратегиях [Fix 1992; Reiher, Lazer 1993].

Критическая позиция к политическому дискурсу, выраженная в работе Дж. Оруэлла «1984», подтолкнула некоторых английских лингвистов к более детальному рассмотрению объекта политической коммуникации [Fairclough 1989; Fowler 1996; Fowler, Hodge, Kress 1979]. Следуя современным направ-

лениям, были разработаны трансформационно-генеративные модели, которые обеспечили средства описания определенных синтаксических форм, обладающих политически прагматическими импликациями.

Однако более важную роль в Британской и Австралийской школах стала играть «функциональная» лингвистика М. Халлидея [Halliday 1973], позволившая связать лингвистическую форму с социальной, в том числе с политической деятельностью. Но инструменты этого подхода к анализу политического дискурса по существу эклектичны. В них в основном делается акцент на прагматику, в особенности на теорию речевых актов [Wilson 1991; Blommaert, Verschueren 1991], когнитивную лингвистику [Chilton 1985], разговорный анализ [Atkinson 1984], «европейский» анализ текста, разработанный Т. А. ван Дейком [ван Дейк 1989].

Сам Т.А. ван Дейк применяет целый ряд аналитических методов, включая текстовые, прагматические, этнометодологические и когнитивные подходы к анализу политического дискурса, к критике расистского дискурса в средствах массовой информации и других областях социальной жизни общества [van Dijk 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2001].

В отечественной лингвистике доперестроечной эпохи существовало негласное табу на исследования политического дискурса – дозволялся только критический анализ буржуазной прессы. Политическая перестройка стимулировала бурное развитие анализа политического дискурса в России. Приоритет отдавался изучению тоталитарного языка советской эпохи [Норман 1997] и постперестроечных инноваций в русском языке конца XX века [Баранов 1997; Баранов, Казакевич 1991; Дука 1998; Шейгал 1999]. В отечественной науке в последнее время возрос интерес к изучению функционирования языка в политической сфере [Бакумова 2000, 2001, 2002; Попова 1995; Почепцов 1997, 1998, 1999; Романов 2000; Шейгал 2000 и др].

Е.И. Шейгал [Шейгал 2000] выделяет два основных методологических течения: дескриптивный и критический. Современная лингвистика в рамках

дескриптивного анализа изучает языковое поведение политиков, включая реализацию языковых средств, риторических приемов и манипулятивных стратегий, используемых политиками в целях убеждения [Михальская 1996; Политический дискурс в России – 1998, 1999, 2000; Holly 1989 и др.].

В сферу дескриптивного анализа включаются также методы контент-анализа, непосредственно связанные с политологией и направленные на содержательную сторону политических текстов.

Использование контент-анализа и когнитивного картирования способствует выявлению когнитивных диспозиций отдельных политиков – ценностных приоритетов, конфликтную или коллаборанистическую доминанту, характер причинно-следственных связей и соответствующих фрагментах картины мира [Дука 1998; Chilton, Pyin 1993].

Критический анализ, в свою очередь, направлен на критическое изучение социального неравенства, выраженного в дискурсе. Ангажированность автора для некоторых ученых представляет своеобразный камень преткновения. Объективность критического анализа ставится под сомнение, что выдвигает на передний план проблематику субъективности/объективности в гуманитарных науках.

Дискуссия о субъективности и объективности в социальных науках выявила, что нет абсолютно объективных исследований, т.е. интересы, ценности и решения исследователя всегда влияют на результаты анализа. Следовательно, требуется сформулировать эти ценности эксплицитно, чтобы проанализировать все аспекты, принять во внимание разнообразные данные и методы, прежде чем делать заключения, интерпретировать или объяснять что-либо, соблюдать определенную дистанцию по отношению к предмету исследования [Водак 1997:16].

Тем не менее, заинтересованность лингвистов в критическом анализе дискурса постоянно растет. Это можно объяснить тем, что:

- 1) он соединился с текстоориентированным анализом дискурса и глубинным

пониманием последних социологических взглядов на общество, культуру и власть; 2) он обеспечил связь теории и метода, которая отсутствует во многих социологических работах, касающихся повседневной жизни и использования языка, и во многих лингвистических трудах, затрагивающих социальную динамику [Bloome, Talwalkar 1997].

Цель критического анализа дискурса «рассмотреть связь между использованием языка и неравными отношениями власти» [Fairclough 1989:1].

В работах Н. Фейклаф [Fairclough 1989], Р. Водак [Wodak 1997], Д. Блума и С. Тальвалкара [Bloome, Talwalkar 1997] и других представителей критической лингвистики рассматривается проблема использования языка как средства власти и социального контроля.

Относительно недавно в области анализа политической коммуникации лингвистами начал разрабатываться когнитивный подход, позволяющий перейти от описания единиц и структур дискурса к моделированию структур сознания участников политического дискурса. Методология структурирования когнитивной базы политического дискурса включает в себя анализ когнитивных моделей и концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических предубеждений [Баранов 1990; Баранов, Караулов 1991; Ильин 1997; Fowler 1991; van Dijk 1997].

В рамках когнитивного подхода исследуется также взаимосвязь языка и идеологии [Seidel 1985; van Dijk 1995, 1996, 1998]. Политическое общение всегда идеологизировано, поскольку коммуниканты выступают в нем не как личности, представляющие самих себя, а как представители институтов и политических групп.

Диссертация выполнена в рамках критического анализа дискурса и посвящена изучению политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. в Государственную Думу РФ и на пост президента РФ.

Объектом исследования является политический дискурс. **Предметом** анализа выступают дискурсивные способы конструирования социальной реальности в текстах предвыборных кампаний 1999-2000 гг.

Актуальность избранной темы обусловлена следующим:

1) исследование политического дискурса является важным направлением современной прагматики языка и социолингвистики; эта проблематика вызывает также растущий интерес со стороны социальных, философских наук к изучению языка;

2) социально значимым является исследование языковых средств, используемых в целях манипуляции, дискриминации в дискурсе тех или иных идеологических систем;

3) метод критического дискурс-анализ не получил широкого распространения в отечественной лингвистике применительно к изучению политического дискурса;

4) критический дискурс-анализ имеет важное социальное значение для выявления лингвистически релевантных способов конструирования версий социальной реальности в интересах различных политических субъектов, выступая как инструмент нейтрализации, повышения социальной защиты от манипуляции.

Целью диссертационного исследования является критический анализ политического дискурса, исследование форм репрезентации социокультурных схем (идеологем, конкурирующих дискурсов) на материале политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. В работе не исследуются источники образования коллективных установок, а также не рассматриваются проблемы суггестивной лингвистики, фоносемантики, нейролингвистического программирования и им подобные, поскольку эти подходы предполагают качественно иную методику исследования, которую мы не в состоянии интегрировать в диссертации в силу ограниченности ее жанра.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие **задачи**:

- 1) рассмотрение существующих направлений и школ критического дискурс-анализа и анализа политического дискурса;
- 2) уточнение методики критического дискурс-анализа относительно исследования политического дискурса;
- 3) отбор корпуса текстов и его систематизация применительно к теме исследования;
- 4) выявление и описание основных функций политического дискурса;
- 5) определение языковых особенностей конструирования социальной реальности в политическом дискурсе.

Материалом исследования послужили речи и публичные выступления политических деятелей, интервью с ними, тексты политических дискуссий, материалы предвыборных кампаний, появившиеся в СМИ (печатных: «Аргументы и факты», «Век», «Ведомости», «Время МН», «Завтра», «Итоги», «Коммерсантъ-Daily», «Коммерсантъ-Власть», «Комсомольская правда», «Московская правда», «Московские новости», «Независимая газета», «Новое время», «Новые известия», «Общая газета», «Правда», «Российская газета», «Сегодня», «Эксперт», «Советская Россия», «Труд»; радио: «Маяк», «Эхо Москвы», «Открытое радио»; телевизионных: Авторская программа С. Доренко (ОРТ), «Вести» (РТР), «Время» (ОРТ), «Герой дня» (НТВ), «Глас народа», «Здесь и сейчас» (ОРТ), «Зеркало» (РТР), «Народ хочет знать» (РТР), а также персональных веб-страниц политиков и политических партий, объединений, движений) в период с сентября 1999 года по апрель 2000 года.

Корпус выборки составил 701 текст, систематизированный в Приложении 1 и Приложении 2 к диссертации.

Основным **методом** исследования явился критический дискурс-анализ, предполагающий привлечение данных смежных социальных наук. При анализе дискурса предпочтение отдавалось качественным методикам исследо-

вания, а именно: применялись компоненты семантической и прагматической интерпретации, контекстуального, сопоставительного анализа, интроспекции, контент-анализа, интертекстуального анализа.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в выявлении языковых средств конструирования социальной реальности, в установлении и описании особенностей социокультурных компонентов применительно к политическому дискурсу предвыборных кампаний 1999-2000 гг. в России.

Теоретическая значимость выполненной работы состоит в развитии теории и практики критического дискурс-анализа, описании функций политического дискурса и языковых средств конструирования социальных версий действительности, применяемых в политическом дискурсе, в выявлении конвенциональных структур, в углублении познания в таких традиционных областях современной науки, как «язык и общество», «язык и культура», «язык и человек».

Практическая ценность работы определяется возможностью применения ее результатов в разработке общих и специальных курсов по семантике и прагматике речевого общения, теории речевого воздействия, социолингвистике, риторике; они могут также использоваться специалистами в области социологии, психологии, журналистики, связей с общественностью.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области семантики и прагматики текста (Р. Водак, Т.А. ван Дейк, В. Дикман, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Г.Г. Почепцов, А.А. Романов, И.П. Сусов, Н. Фейклаф, П. Чилтон, Е.И. Шейгал), социолингвистики (Н.Б. Мечковская, К. Шеффнер), когнитивной лингвистики и психолингвистики (А.Н. Баранов, А.А. Залевская, Дж. Лакофф), политической психологии (Г.Г. Дилегенский).

На защиту выносятся следующие положения.

1. При определении понятия «политический дискурс» в диссертации учитываются признаки конвенциональности, институциональности, идеологичности и интертекстуальности; демонстрируется, что прагматической доминантой политического дискурса является борьба за *власть* (в широком смысле).

2. Основными функциями политического дискурса являются ориентирующая и манипулятивная.

3. Основным способом реализации этих функций выступает дискурсивное конструирование социальной реальности в соответствии с системой ценностей, норм, установок, идеологии того или иного политического субъекта.

4. Манипуляция в политическом дискурсе опирается на (вос)производство дискурсивной идентичности и солидаризации политического субъекта с реципиентом, т.е. на максимальное удовлетворение ожиданий и установок последнего по реализации релевантных социокультурных схем. Таким образом, дискурсивный «комфорт» достигается при помощи актуализации соответствующей системы ценностей, норм, установок аудитории, конструирующей дихотомию «свой-чужой» и структурирующей «свою» реальность.

5. Главными стратегиями дискурсивного (вос)производства «МЫ» – «ОНИ» являются: реификация и делегитимизация оппонента, «амальгамирование» («мы-дискурс») и «героизация». Для этого используется широкий спектр языковых средств.

Основные положения и результаты исследования были апробированы на аспирантских семинарах, заседаниях кафедры английской филологии и кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТвГУ, международной научной конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков, в Тверском государственном университете (2000), международном на-

учном семинаре «Социальная власть языка» (Воронеж, 2001). По теме диссертации опубликовано 4 статьи общим объемом 1,75 п.л.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка условных обозначений и двух приложений.

Во **введении** рассматриваются основные направления развития политической лингвистики, а также формулируются цели и задачи исследования.

В **первой главе** дается теоретическое обоснование выделения категории *политический дискурс*, а также описываются его коммуникативно-языковые и социально-когнитивные особенности.

Во **второй главе** описываются приемы и методы создания виртуальной версии действительности.

В **третьей главе** рассматриваются особенности критического анализа, а также приводятся примеры его применения к дискурсам различных политических субъектов.

В **заключении** представлены результаты проведенного исследования и обозначены перспективы дальнейшей работы в предлагаемом направлении.

В **приложениях** приводится база данных по настоящему исследованию, представляющая собой классификацию текстов политических субъектов в период предвыборных кампаний 1999-2000 гг.

ГЛАВА 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Коммуникативно-языковые особенности политического дискурса

1.1.1. Дискурс как предмет лингвистического изучения

Политический дискурс является сложным социальным явлением, доказательством чему служат разнообразные методики интерпретации этой категории и различные методологические подходы к его анализу. В лингвистической литературе выделяются следующие направления в изучении языкового общения, дискурса (в широком смысле) и прагматики языка [Макаров 1998:75]:

- теория речевых актов (Дж.Остин, Дж.Р.Сёрль, Д.Вундерлих);
- логико-прагматическая теория коммуникации (Г.П.Грайс, Дж.Лич, С.Левинсон, П.Браун);
- конверсационный анализ (Г.Сакс, Э.Щеглов, Г.Джефферсон, Д.Циммерман, Дж.М.Аткинсон, Ч.Гудвин, Г.Хенне, Г.Ребок, К.Элих, Й.Ребайн);
- анализ диалога (М.Даскал, Ф.Хундснуршер, Э.Вайганд, Г.Фриц, Л.Карлсон);
- анализ дискурса (Бирмингемская школа: Дж.Синклер, М.Култхард, Д.Брэзил, Д.Гиббон);
- лингвистика текста (В.Дресслер, Р.де Богранд, Т.ван Дейк, З.Шмидт) и грамматика дискурса (Р.Лонгейкр, Т.Гивон);
- критический анализ дискурса (Н.Фейклаф, Р.Лаков, Р.Водак, Т.ван Дейк);
- социолингвистический анализ вариативности (У.Лабов, С.М.Эрвин-Трипп);
- интерактивная социолингвистика (Дж.Гамперц, Э.Гоффман);
- этнография коммуникации (Д.Хаймс, Дж.Гамперц, Дж.Филипсен);

- психолингвистические модели производства, обработки и понимания дискурса (Р.Шенк, Р.Абельсон, В.Кинч).

Прежде чем перейти к характеристикам политического дискурса необходимо определить базовые понятия. Категория «дискурс» является довольно сложным явлением, о чем свидетельствует большое количество работ, посвященных его анализу [см. Макаров 1998, Борбодько 1998].

В Лингвистическом Энциклопедическом Словаре дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими формами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмом их сознания (когнитивных процессах)» [ЛЭС 1990:136].

В упрощенной модели дискурс включает в себя «все формы речевой интеракции, формальной и неформальной, а также письменные тексты всех видов» [Potter, Wetherell 1987:7].

И. П. Сусов [Сусов 1988:10] отмечает, что структуры дискурса соотнесены со структурами деятельности и структурами сознания, которые обусловлены экстралингвистическими факторами. В этом же аспекте рассматривается дискурс и Р. Водак и Н. Фейклафом [Fairclough, Wodak 1997:261], трактующими дискурс как специфическую форму производства знаний (production of knowledge).

В лингвистической литературе дискурс выделяется в сопоставлении его с другими лингвистическими явлениями. В частности, наиболее часто обращаются к дихотомии «дискурс (устный) – текст (письменный)» [Тураева 1986]. Вслед за М. Л. Макаровым, мы разделяем точку зрения, что такое разграничение «неоправданно сужает объем данных категорий, сводя их только к двум формам языковой действительности – использующей и не использующей письмо» [Макаров 1998:70].

Во многих исследованиях, посвященных анализу текста и дискурса, делаются попытки дать отличительные характеристики этих двух категорий:

1. Категория дискурса регламентируется областью социолингвистики, тогда как текст относится к области лингвистического [Kress 1985]. Текст определяется как вербальное представление («словесная запись») коммуникативного события [Михальская 1998], а дискурс - как «текст в событийном аспекте», «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990:137], «функционирование языка в живом общении», «язык, присвоенный говорящим» [Бенвенист 1974: 296]. В дискурсе деятельность «сужена до ее социально ориентированных речевых проявлений. В свою очередь, при рассмотрении дискурса в качестве феномена (следа), оставленного деятельностью, акцент делается на то, что это феномен (след) социально ориентированной речевой деятельности (социологический документ), «прочитанный» лишь с этих позиций» [Методология исследований политического дискурса 1998:11].

2. Во многих функционально ориентированных исследованиях прослеживается тенденция к противопоставлению *процесс / результат*. Характеристиками дискурса в этом контексте выступают деятельность, процессуальность, связанная с реальным речепроизводством, а текст, как продукт речепроизводства, представляет собой определенную законченную и зафиксированную форму [Brown, Yule 1983; Бисималиева 1999]. Текст и дискурс связаны отношениями реализации: дискурс находит свое выражение в тексте, «дискурс возникает и выявляется в тексте и через текст. В то же время это отношение не является однозначным: любой текст может быть выражением реализацией нескольких, иногда конкурирующих и противоречащих дискурсов. Каждый конкретный текст, как правило, носит черты нескольких разновидностей дискурса» [Kress 1985:27].

3. Дискурс и текст противопоставлены в оппозиции «актуальность / виртуальность». Дискурс рассматривается как реальное речевое событие, как

«творимый в речи связный текст» [Конецкая 1997:106]. Текст лишен жесткой прикрепленности к реальному времени, он представляет собой абстрактный ментальный конструкт, реализующийся в дискурсе [Schiffrin 1994].

В связи с этим различаются структурный текст - продукт (text-as-product) и функциональный дискурс- процесс (discourse-as-process) [Brown, Yule 1983:24].

Согласно В.В. Богданову [1993] термины «речь» и «текст» являются видовыми по отношению к родовому термину «дискурс», при этом подчеркивается обобщающий характер понятия дискурс и элиминируется всякая ограниченность бинарными признаками устный / письменный, монологичный / диалогичный. Речь связана со звучащей субстанцией, спонтанна, ненормативна, эллиптическая, диалогична, тогда как текст подготовлен, нормативен, развернут, монологичен или диалогичен и отличается от речи графической репрезентацией языкового материала. Дискурс в таком понимании объединяет все параметры, свойственные как речи, так и тексту.

В некоторых трудах дискурс противопоставлен речи [Попова 1995]. Речь понимается двояко: как сам процесс говорения (речевая деятельность), так и его результат (речевое произведение, фиксируемое памятью или письмом). Главное различие между двумя явлениями заключается в противопоставлении «социальное» / «индивидуальное». Дискурс относится к категории «социальное»: для него характерны типовые ситуации общения с нормативно закрепленной последовательностью речевых актов (институциональные формы общения). Важнейшим признаком речи является ее индивидуальный характер (темп, продолжительность, тембр, громкость и др.).

Существенной особенностью дискурса является его недискретность, под которой понимается несводимость дискурса к отдельным коммуникативным событиям. Дискурс континуален, не имеет временных границ начала и конца

– невозможно определить, когда закончился один дискурс, и когда начался другой. В то же время дискурс, безусловно, дискретен в смысле его членимости – единицами членения и анализа дискурса являются коммуникативный ход, реплика, обмен, трансакция [Макаров 1998].

Категориальная дефиниция дискурса, включающая производство знаний, тесно связана с социологией знаний, в том числе с конструированием социальных знаний [Hülse 1999]. Это взаимодействие играет важную роль, поскольку социология знаний во многих отношениях составляет теоретическое обоснование социального конструктивизма. В связи с этим можно говорить, что изучение дискурса является наиболее очевидным способом изучения социальных явлений.

Принимая во внимание различные подходы к определению дискурса, в данной работе термин «дискурс» употребляется в широком смысле: как речевая деятельность в звуковой, графической или электронной репрезентации, включенная в широкий социальный, психологический, деятельностный и т.д. контекст.

1.1.2. Понятие «политический дискурс»

В онтологии исследований политического дискурса однозначно выделяется проблема дифференциации политического дискурса по отношению к другим типам дискурса (юридическому, педагогическому, рекламному, военному и др.). Политический дискурс представляет собой явление, которое в социуме имеет гораздо большее частотное проявление по сравнению с другими типами дискурсов. В связи с этим феномен политического дискурса не поддается однозначному определению, так как, во-первых, сама категория политики в настоящее время не обладает четкой дефиницией, во-вторых, выделение политического дискурса по совокупности узко лингвистических признаков не представляется возможным.

В политологических работах политика определяется как набор некоторых действий, направленных на распределение власти и экономических ресурсов в какой-либо стране [Зеленский 1996:371]. Этот официальный уровень политики включает в себя средства массовой информации, систему образования и все те социальные институты, которые контролируют явления социальной жизни.

В нашем исследовании мы разделяем основные положения В.Ф. Халипова [1999:109], связанные с определением категории политики. Однако для данной работы важна властная доминанта политики, поэтому термин «политика» определяется как деятельность государственных органов, объединений граждан и отдельных лиц в сфере отношений между государствами, нациями, большими группами людей, которая направлена на реализацию, отстаивание своих интересов и связанная со *стремлением к завоеванию и использованию власти*.

Основным критерием для выделения политической коммуникации служит тематический и целевой определитель «борьба за власть» [Schudson 1997].

В понимании «власти» мы придерживаемся концепции В.Ф. Халипова [1999:31], где власть - это:

- способность, право и возможность тех или иных лиц, органов, учреждений, систем распоряжаться кем-либо, чем-либо; оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность конкретных людей, их общностей и институтов с помощью различного рода средств – права, авторитета, воли, принуждения;
- государственное, политическое, экономическое, духовное или иное господство над людьми.

Стратегии власти формируются как коммуникативные стратегии, направленные на такую организацию коммуникативной среды, коммуникатив-

ный процесс которой был бы обусловлен правилами и границами смыслопорождения главенствующего дискурса.

Политическая коммуникация представляет собой «любую передачу сообщений, оказывающей влияние на распределение и использование власти в обществе, особенно если эти сообщения исходят из официальных правительственных институтов» [Schudson 1997:311].

Процессуальность как дистинктивный признак политического дискурса стал определяющим фактором для выделения политического дискурса в качестве «формы политического действия, части политического процесса» [Wodak, Seldak 2000:224]. Р. Водак и М. Зельдак систематизируют политическое действие по шести сферам деятельности, являющимися «сегментами соответствующей политической реальности, которые обеспечивают заданность фрейма» [там же:224-225]. Сюда относятся: 1) законодательный процесс; 2) внутренние решения политики партий; 3) создание общественно-политического мнения; 4) политическая пропаганда; 5) политическое управление; 6) политический контроль.

Институциональность политического дискурса находит свое определение в концепции А. Н. Баранова и Е. Г. Казакевича, которые считают, что политический дискурс образует «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом...» [Баранов, Казакевич 1991:6].

В семиотическом подходе политический дискурс определяется как своеобразная знаковая система, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий [Шейгал 2000:3]. Политический дискурс трактуется как институциональное общение, которое, в отличие от лично-ориентированного, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т.е. обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией). С учетом значимости ситуативно-культурного контекста, политический дис-

курс представляет собой феномен, суть которого может быть выражена формулой «дискурс = подъязык + текст + контекст» [Шейгал 2000:15].

Целевая доминанта стала определяющей в рассмотрении политического дискурса как «совокупности политических дискуссий социума: дискурса власти, контрдискурсии публичной риторики, закрепляющих систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее» [Методология исследований политического дискурса 1998:12].

В некоторых работах высказывается предположение, что языку политики свойственно специфическое содержание, а не форма. В формальном отношении язык политики отличается лишь небольшим числом канонизированных выражений и клише. П. Серио в качестве грамматических особенностей советского политического дискурса выделяет гипертрофированную тенденцию к номинализации и сочинению [Seriot 1985]. Рассматривая исследования П. Серио, Ю. С. Степанов определяет советский политический дискурс как «первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии». Особое использование, по мнению Ю. С. Степанова, «влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [Степанов 1997:723].

Существуют предположения об особом положении грамматического строя политического языка, как, например, тенденция к устранению лица при помощи номинализированных конструкций-девербативов и безагенсного пассива [Рижинашвили 1994], инклюзивное использование личных местоимений *мы, наш*. Мы разделяем мнение Е. И. Шейгал [Шейгал 2000], что эти грамматические особенности, в отличие от специальной лексики, не являются чертами, присущими исключительно политическому дискурсу, - данные формы и конструкции используются и в других видах коммуникации (с различием в частотности и прагматической ориентации).

Наличие общих когнитивных схем деспециализации политических терминов в политическом дискурсе обуславливают его понимание практически всеми членами языкового сообщества. Детерминирующим обстоятельством повсеместной деспециализации политических терминов является то, что политическая коммуникация, как никакой другой домен общественных отношений, направлен на массового потребителя (адресата). С другой стороны язык выражения отношений власти в официальном дискурсе является, по терминологии Р. Панова [см.: Макаров 1988:77], «сильным языком», который свидетельствует о достаточно высоком статусе говорящего, удовлетворяющего требованию его позиционной роли. Такой текст свидетельствует о повышенном внимании говорящего к лингвистической выразительности и оформлению своего послания. К разряду подобных текстов относится и политическая ораторская речь [Стриженко 1982:27].

К признакам таких текстов относятся синтаксическая сложность, большой объем соответствующих синтаксических единиц, а значит, и более размеренный темп, меньшая скорость интеракции, опора на синтаксические структуры, усвоенные на поздних этапах освоения языком; сложные предложения, часто с несколькими придаточными, с большим «удельным весом» подчиненных отношений [Макаров 1988, Попова 1995].

Некоторые ученые [Паршин 1999] подвергают сомнению существование феномена политического дискурса, считая, что языковые черты своеобразия политического дискурса немногочисленны и не столь просто поддаются идентификации, а обычные лексические и грамматические маркеры, по которым можно выделить политический дискурс как своеобразное явление, не выходят за рамки соответствующих идиоэтнических («национальных») языков. По мнению П. Б. Паршина, под политическим языком подразумевается вовсе не язык или, по крайней мере, не совсем и не только язык. Он выдвигает тезис о том, что предметом политической лингвистики является идио-

политический дискурс, т.е. «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [Паршин 1999].

Этот вопрос находит также отражение в анализе политического дискурса, предпринятого Т. А. ван Дейком [van Dijk 2001]. По его мнению, хотя и существуют возможные стилистические, тематические и интеракционные маркеры, способствующие выявлению дистинктивных признаков политического дискурса, не представляется возможным создать какую-либо типологию политического дискурса на основе только вербальных свойств. Т.А. ван Дейк приходит к выводу о том, что основополагающей категорией для выделения политического дискурса является контекст, а не сам текст.

Следуя данной логике, Т.А. ван Дейк [van Dijk 1999a] характеризует политический дискурс как совокупность жанров социального домена политики и противопоставляет его образовательному дискурсу, дискурсу средств массовой информации и юридическому дискурсу. При этом подчеркивается, что домен политики имеет довольно расплывчатые границы, так как сам термин «политика» по разному трактуется в различных источниках [van Dijk 2001].

Контекстное ориентирование в идентификации политического дискурса, на наш взгляд, снимает наиболее сложные вопросы, связанные с лексическими и грамматическими особенностями политического дискурса.

В своей работе мы понимаем под рабочим определением «политический дискурс» речевую деятельность политических субъектов в сфере их институциональной коммуникации. Отличительными признаками политического дискурса являются институциональность, конвенциональность, идеологичность и интертекстуальность.

1.1.3. Функции политического дискурса

Функциональное определение дискурса обусловлено семиотическим пониманием языка как системы знаков, которая «служит и используется для

достижения каких-либо целей, иначе, выполнения функций» [Макаров 1998:68]. Методология функционализма предполагает изучение структуры и функционирование языка с целью выявления соответствий между ними. Теоретически функциональная методология основывается на признании взаимозависимости между формой и функцией и на учете влияния употребления языка на его структурные характеристики.

Функциональный подход к изучению дискурса предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. Вопросы о функциях языка в той или иной мере касаются в своих работах многие лингвисты, философы и психологи, однако, единство мнений по этому поводу пока не достигнуто.

Политический язык находится между двумя полюсами – функционально обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. Именно поэтому политический язык должен выполнять противоречивые функции, в частности: быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам). Последнее часто противоречит доступности политического языка [Водак 1997:22].

Основные направления в определении функций языка в современной лингвистике были положены К. Бюлером и Р. Якобсоном. К. Бюлер останавливается в своем органоне на трех ведущих компонентах акта коммуникации (отправитель, получатель, предметы и ситуации). Треугольная модель с тремя абсолютно независимо варьирующимися смысловыми отношениями дает основание для выделения ведущих функции языка: экспрессия, апелляция и репрезентация [Бюлер 1993:34].

Аналогичный базис для дифференциации функций языка реализован Р. Якобсоном, который разграничивает шесть функций языка в зависимости от ориентации на один из компонентов коммуникации: адресант, адресат,

референт, сообщение, контакт, код. В осуществлении референции состоит коммуникативная функция языка. С референцией сопряжена также и познавательная функция. С адресантом и адресатом соотносятся коннотативная, или аппелятивная, или «регулятивная» [Мечковская 1994:14], эмотивная/экспрессивная. Метаязыковая функция обеспечивает реализацию кода, а поэтическая функция ориентирована на сообщение [Якобсон 1975:198].

Выделенные Р. Якобсоном и К. Бюлером функции соотносятся с природой языка в целом. Здесь необходимо подчеркнуть, что степень реализации конституирующих функций в различных типах дискурсов является определяющим фактором для их классификации. Так, политический дискурс, наряду с религиозным и рекламным, входит в группу дискурсов, для которых ведущей функцией является регулятивная [Шейгал 2000:35].

Исходя из целевой направленности, основной функцией политического дискурса можно считать его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение). Однако, по мнению Е.И. Шейгал [2000:35], данная функция по отношению к языку настолько же глобальна, насколько коммуникативная функция всеохватывающа по отношению к языку. В связи с этим предлагается дифференцировать функции языка политики в качестве аспектных проявлений его инструментальной функции по аналогии с тем, что все базовые функции языка рассматриваются как аспекты проявления его коммуникативной функции.

Конфликтность политического дискурса подчеркивается Г. Сайделом [Seidel 1985], который утверждает, что политический дискурс одновременно должен выполнять многие функции и реализовывать многие мотивы. Так, партийная программа призвана убеждать, агитировать, пропагандировать (персуазивная функция); при этом должна быть очевидной связь каждого конкретного пункта программы с убедительной идеологией данной партии или группы, т.е. каждое требование, каждый поступок должны быть аргу-

ментативно связаны с ценностями, традициями и идеологией (*аргументативная функция*).

Именно перспективные программы партий не должны растворяться в отдельных обещаниях, ориентированных на сугубо сегодняшнюю политическую ситуацию, - утопия, модель лучшего другого мира (в соответствии с определенными убеждениями) также должна быть эксплицирована (*персуазивно-функциональная функция*). И, наконец, должно быть ясно, почему собственная программа превосходит все другие. Это реализуется чаще всего в процессе (риторико-диалогической) дискуссии с другими направлениями, убеждениями и идеологиями (*дистанцирующая функция*). В результате такого дистанцирования реализуется следующая функция – *функция группового объединения*. Программа должна в языковом и содержательном плане воплощать идентичность данного политического направления, а также формировать ее [Водак 1997:23].

П.Чилтон и К. Шеффнер [Chilton, Schaeffner 1997] выделяют четыре типа стратегических функций политического дискурса.

- *Принуждение*. «Принуждение» относится к таким речевым актам, как приказы или законы, которые подкрепляются какими-либо санкциями. Политические деятели часто действуют принудительно посредством дискурса, определяя вопросы, выбирая темы в разговоре, позиционируя себя и других в определенных отношениях, делая предположения о реалиях, которые слушатели должны, хотя бы временно, принимать для восприятия текста и речи. Власть может реализовываться и посредством контроля за использованием языка «других» - посредством различных видов степеней цензуры и контроля доступа.
- *Сопроотивление, оппозиция, протест*. Данная категория функций политического дискурса противопоставлена функции принуждения, и реализуется в противовес властным отношениям. Дискурсивными характеристиками этого типа могут служить как особенности СМИ (сам-

издат), граффити (среди маргинальных этнических групп, постеры и т.д.), так и специфические лингвистические структуры (петиции, прошения, слоганы и т.д.).

- *Симуляция.* Данная стратегия сопряжена с контролем над информацией. Она сочетает в себя как эффекты дефокусирования «нежелательных мест» посредством эвфемизации исходных данных, так и непосредственное инвертирование исходных данных.
- *Легитимизация и делегитимация.* Легитимизация тесно связана с функцией принуждения, так как она реализует механизм повиновения, т.е. легитимность. Используемые техники включают аргументацию желаний избирателей, общие идеологические принципы, проекцию харизматического лидера, позитивную самопрезентацию и т.д. Делегитимация по сущности представляет оппозицию: репрезентация других (иностранцы, «внутренние враги», институциональная оппозиция, неофициальная оппозиция) носит негативный оттенок. Техники данной категории включают использование идей расподобления.

Аналогичный принцип при анализе существующих работ в области дифференциации функций политического дискурса применяет Е. И. Шейгал, которая в рамках инструментальной функции языка политики выделяет восемь конституентов:

- функция социального контроля (создание предпосылок для унификации поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа индивидов, т.е. манипуляция общественным сознанием);
- функция легитимизации власти (объяснения и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов);
- функция воспроизводства власти (укрепление приверженности системе, в частности, через ритуальное использование символов);
- ориентации (через формулирование целей и проблем, формирование картины политической реальности в сознании социума);

- функция социальной солидарности (интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп);
- функция социальной дифференциации (отчуждение социальных групп);
- агональная функция (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей);
- акциональная функция (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения: мобилизация состоит в активизации и организации сторонников, тогда как под наркотизацией понимается процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпление бдительности) [Шейгал 2000:36].

В данной стратификации мобилизация рассматривается как наиболее значимое проявление инструментальной функции языка политики, которое должно стимулировать к совершению действий. Стимулирование может осуществляться как в форме прямого обращения (в жанрах лозунгов, призывов и прокламаций, в законодательных актах), так и в создании соответствующего эмоционального настроения (надежда, страх, гордость за страну, уверенность, чувство единения, циничность, враждебность, ненависть).

Д. Грейбер [Graber 1981:198] выделяет следующие функции политического дискурса.

- *Распространение информации* (information dissemination), связанное с созданием виртуальной реальности у адресатов, где собственная эмпирическая практика элиминируется посредством предлагаемых когнитивных схем, общих верований (shared beliefs) [van Dijk 1999]. Помимо эксплицитной информации, данная категория может включать имплицитно-коннотативный слой информации (эмотивно-окрашенные ключевые слова, выражающие базовые политические ориентации и ценности, патриотические символы, эвфемизмы и др.).

- «Установление темы» (agenda setting), где доминирующим является контроль за распространением информации. Политики, как правило, стараются исключить из повестки дня темы, обсуждение которых может представить их в невыгодном свете.
- *Проекция в будущее и прошлое* (projection to future and past), которая основана на осмыслении прошлого и прогнозировании будущего. В политической коммуникации апелляция к прошлому опыту часто используется в качестве аргументативной тактики.

Говоря о функциях политического дискурса нельзя не упомянуть магическую («заклинательную») функцию, которая может рассматриваться как частный случай регулятивной функции языка [Супрун 1996]. Общей чертой отношения к слову как к магической силе лежит неконвенциональная трактовка языкового знака, т. е. представление о том, что слово – это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть. К проявлениям магической функции относятся табу, табуистические замены, заговоры, молитвы, клятвы и присяги, обожествление священных текстов [Мечковская 1994].

Все известные в истории культурные ареалы сохраняют в той или иной степени традиции религиозно-магического сознания, поэтому магическая функция речи универсальна и находит свое проявление не только в религиозном, но и современном политическом дискурсе.

Р. Барт, характеризуя политический язык как язык, который «вырабатывается непосредственно в ходе политического праксиса и в силу этого направлен скорее на производство, чем на отражение», отмечает, что «устранение или возвеличивание слов обладает в нем едва ли не магической действенностью, с упразднением слова как бы упраздняется и референт – запрет на слово «дворянство» воспринимается как ликвидация самого дворянства» [Барт 1994:526].

Магические речевые акты имеют по сути своей двух адресатов – реального участника священнодействия, для которого слушание имеет значение

соучастия в магии, и формального, сверхъестественного адресата (Господь Бог, Сталин или Президент), для которого бессмысленно характеризовать цель участия в общении [Супрун 1996:32]. В связи с этим, на наш взгляд, политический дискурс тоталитарного режима коррелирует в большей степени с религиозным дискурсом, так как в обоих случаях татем является недоступным с точки зрения получения контакта.

Из проявлений магической функции в политическом дискурсе наиболее значимыми являются табуированная лексика и эвфемизмы. Удерживая черты магического («инструментального») отношения к слову, табу в современном обществе осложняется некоторыми другими целями, в частности, такими, как идеологический контроль и манипулирование массовым сознанием. Сознательный разрыв с определенной языковой традицией во времена идеологических сдвигов явился причиной массовых лексических замен, осуществленных в годы наиболее «крутых» в мировой истории революций – французской конца XVIII века и русской 1917 г. [Мечковская 1994:133-134].

С магической функцией тесно связана функция конструирования языковой реальности, т.е. «креативная функция» [Норман 1997], характеризующая положение дел, при котором языковые сущности оказываются первичными по отношению к сущностям внеязыковым. В процессе языковой интерпретации мира баланс в соотношении «язык-реальность» может измениться в сторону установления примата языка над действительностью. Так, многие «социалистические» явления появились сначала как словесные конструкты, а затем как онтологические явления (НЭП, ГОЭРЛО, субботник, перестройка).

Креативная функция языка обусловлена как объективными, так и субъективными факторами, связанными непосредственно с относительным когнитивным знанием о мире и сознательным искажением действительности.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что из общеязыковых функций наиболее актуальной для политического дискурса является

ся регулятивная. Вместе с тем значительную роль играет магическая и сопряженная с ней креативная функция языка.

Подробная классификация функций политического дискурса, безусловно, вполне доказательна, но как представляется, подобное деление имеет смысл на более низких уровнях стратификации. В нашем исследовании мы исходим из того, что политический дискурс прежде всего маркирован тематическим компонентом «борьба за власть». В связи с этим встает вопрос о получении и удержании власти, т.е. создании такой дискурсивной среды, основные компоненты которой соответствовали бы основным ценностям (мнения, суждения, верования, предубеждения) аудитории.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что субъект политики (политический деятель, политическая партия или движение) сознательно используют определенные когнитивные установки для максимального соответствия дискурсивных сред (своей и аудитории). Кроме того, никакая манипуляция невозможна без соответствующей ориентации в координатах ценностных предпочтений аудитории. В связи с этим на первый план среди функций политического дискурса мы выносим манипуляционную и ориентирующую функции, которые впоследствии могут члениться на функцию социальной солидаризации, агональности и т.д.

1.2. Социально-когнитивные особенности политического дискурса

1.2.1. Институциональность политического дискурса

Политическая коммуникация представляет собой институциональную форму общения, характеризуемую социальными правилами и ритуализованными рамками функционирования. Под институтами понимается любой вид закрепленных действий или нормативных комплексов; выделяются различные организационные формы в зависимости от представленной в них степени институциональности [Попова 1995:14].

Политический дискурс как вид институционального общения объективно вычленим на основании следующих конститутивных признаков: тематические определители, лексико-фразеологические единицы, структурно-смысловые коннекторы, целевые установки и коммуникативные стратегии, статусно-ролевые характеристики участников общения, типы аргументации. Общественные институты имеют свои системы ценностей, которые реализуются в виде особых идеологий.

Обобщая результаты социолингвистических институциональных исследований, Р. Водак характеризует институты следующим образом:

- институты представляют собой анонимные образования; имена клиентов известны, имена же сотрудников институтов часто неизвестны;
- письменные документы, такие как, формуляры, официальные сообщения, тексты законов и т.д., чаще всего написаны в пассивном залоге и характеризуются нечеткостью формулировок;
- институты обладают специальными ритуалами: во многих институтах исторически сложились определенные языковые формы (обращения, приветствия, формулы, клятвы и т.д.), утратившие свои специфические функции;
- институтам свойствен военный характер: власть и иерархия - важнейшие компоненты их динамики; многие речевые действия принимают характер призыва или приказа;
- институты создают видимость гармонии: противоречия и конфликты затушевываются и не афишируются;
- институциональное общение, в отличие от межличностного и художественного, является статусно-ориентированным: отношение к руководящему составу лучше, чем к другим сотрудникам института; к мужчинам лучше, чем к женщинам; к своим лучше, чем к чужим; к опытным клиентам лучше, чем к неопытным [Водак 1997:21].

Участники институционального дискурса обычно подразделяются на

представителей институтов и клиентов. Представителями являются компетентные люди, профессионалы, облеченные властью в своей области (юристы, врачи, педагоги, священники, администраторы и т.д.); клиенты – люди, нуждающиеся в их услугах [Agar 1985]. В политической сфере население рассматривается в качестве клиентов политических институтов. В данном контексте политические институты направлены на обеспечение порядка и законности в социуме.

Р. Водак подчеркивает дисперсонализацию участника институциональной коммуникации: «Лишаясь своих личностных характеристик в рамках института, человек, тем не менее, чувствует себя «комфортно», поскольку находится под защитой института, при этом институт присваивает личностные характеристики индивида» [Водак 1997:73].

М. Эгер определяет институт как «социально узаконенное специальное знание вместе с людьми, уполномоченными проводить его в жизнь» [Agar 1985:164]. В его определении находит отражение информационная сторона институциональности: более высокий статус представителя института по отношению к клиенту в значительной степени базируется на доступе к информации и возможности ею распоряжаться, отсюда возможность манипулировать сознанием и действиями клиента.

С точки зрения теории социальных представлений подошел к проблеме института Б. Петерс, где, который под институтами понимает «дифференцированные социальные поля деятельности. Они обладают ощущаемыми границами или нормативными структурами, определяющими соответствующие убеждения действующих актеров, а также другими символическими элементами (например, специальные знания, вид коллективной памяти и др.)» [Petters 1991:20].

В институциональной коммуникации [Романов 2000] в основной набор стратегических действий входят:

- определение функциональных особенностей институциональных отношений между собеседниками;
- распределение ответственности между ними за нормативность речевого и социального поведения в рамках конкретных актов политической коммуникации;
- утверждение собственных «коммуникативных претензий» и их декларация в части конкретной реализации, с конкретными собеседниками и в конкретных условиях взаимодействия;
- контроль за соблюдением условий реализации актов ритуальной коммуникации социально-конституциональной направленности;
- координация и стимуляция совместных усилий и действий участников институциональной коммуникации в плане выработки результирующего эффекта (результата) на благо интересов инициатора или всех участников интеракции, если позволяет «корпоративный имидж» конкретного акта ритуальной коммуникации;
- утверждение плана совместных действий и выработка необходимых критериев в рамках совместной интеракции социально-институционального плана.

Институциональность как форма отношений определяет наличие конвенциональных сегментов в процессе коммуникации.

1.2.2. Конвенциональность политического дискурса

Явление конвенциональности способствует узнаваемости сегментов коммуникации как устойчивых, принятых в обществе правил формирования поведения, что делает общение «священной церемонией поддержания общества во времени» [Currie 1975:6].

Конвенциональность проявляется в стереотипизации поведения на разных уровнях: в выборе жанра или другого модуса поведения, социально релевантного для достижения коммуникативной цели; в выборе коммуникативных актов, соответствующих представлениям о социальных статусах и их

интерполяции, в выборе свободной или ритуальной формы выражения интенции в соответствии с традициями и возможностями языка и культуры, в выборе наиболее рациональной текстовой модели и модели аргументации и т.д. [Карасик 1992; Методология исследований политического дискурса 1998:31].

Конвенциональные семантические формы (клише, идиомы, шаблоны) дифференцируют сферы общения, снимают разночтения и устанавливают межличностные отношения (что особенно ярко это проявляется в ритуальных коммуникативных действиях).

Любая институциональная коммуникация предполагает наличие ритуалов, без которых невозможна реализация базисных функций коммуникации. Ритуал представляет собой предписанный порядок, структуру, которая в символической форме отображает иерархическую и пространственно-временную структуру мира социальной единицы, являющейся носителем ритуала [Монич 2000:86].

Политический дискурс относится лингвистами к институциональным формам общения, для которых характерны определенные социальные правила и ритуализованные рамки функционирования. Большая или меньшая степень ритуализованности, характерная для всякого вербального общения, зависит от внешних условий и от социальных ролей коммуникантов.

Согласно В. В. Богданову общее правило коммуникации с учетом условий и ролей состоит в следующем: «чем меньше знакомы друг с другом коммуниканты, и чем более официальной является обстановка общения, тем более ритуализованный характер приобретает это общение» [Богданов 1987:11].

Ритуальная коммуникация характеризуется фиксированностью формы и «стертостью» содержания, т.е. незначимостью собственно вербальной стороны высказывания [Гудков 1998]. Недостаток информативности, упрощенность содержания, отсутствие новизны, стремление к стандартности и сте-

реотипности реализуют основные черты ритуальной коммуникации. Ритуал исключает альтернативу, поскольку принимающие участие в ритуале вынуждены подчиняться его законам. «Религиозные, юридические, терапевтические, а также частично – политические дискурсы совершенно неотделимы от такого выполнения ритуала, который определяет для говорящих субъектов одновременно и их особые свойства, и отведенные им роли» [Фуко 1996:71].

Ритуальная коммуникация [Романова 1997] следующими конститутивными особенностями:

- сопряженностью со структурой конкретного ритуального игрового пространства;
- подчиненностью структуре ритуального игрового пространства и некоторым образом способна репрезентировать ее;
- набором стандартных поведенческих актов, используемых участниками ритуального игрового пространства;
- сопряженностью с определенной системой сигналов, каждый из которых связан с конкретной ситуацией и конкретным типом игрового пространства;
- ритуальная коммуникация как система сигналов подчинена их нормативному использованию, заданному ритуальным пространством и его конкретным типом игрового исполнения;
- строгой регламентируемостью и последовательностью в чередовании своих актов действий;
- полифункциональностью.

Ритуал противопоставлен и диалогу как свободному обмену мнениями, и игре, где проявляется свобода самовыражения личности. «Ритуальный язык не может быть языком диалога. Его функция заключается не в выяснении позиции собеседника, а в обозначении того, что положение дел остается прежним, что «все играют в одну игру» и вполне удовлетворены ею. Такая

функция языка в точности соответствует функции заклинания в первобытных обществах. Принятие участия в ритуале есть не что иное, как периодическая «клятва на верность» социуму» [Баранов 1997:109].

Поскольку власть как психологический феномен включает иррациональный и эмоциональные уровни [Водак 1997:79], общение на политические темы никогда не бывает нейтральным или объективным, ему свойственна оценочная акцентированность, пристрастность, аффективность. Даже тексты новостей, по определению претендующие на беспристрастность и объективность, формулируются в рамках определенного идеологического фрейма интерпретации [Hacker 1996].

М. Эдельман, говоря об аффективности как о важной составляющей знака в политическом дискурсе, подчеркивает биологически обусловленный характер аффективных реакций: «При определенных условиях язык становится последовательностью сигналов-раздражителей (по Павлову)...медик, слышащий фразу «обязательное медицинское страхование», реагирует не на словарные значения составляющих ее слов, а на закрепленные за ним ассоциации с моральными и экономическими проблемами и тревогами, существующими в обществе. ... Ключевые слова политического дискурса, такие как, например, интересы общества, национальная безопасность, способны оказывать мощное успокаивающее или возбуждающее действие» [Edelman 1964:116].

В процессе ритуальной коммуникации у участников формируются определенные образы действительности, «обобщения» [ван Дейк 1989:270], «функционально-семантические представления» [Романов 1983:189], «прототипические референты» [Вежбицкая 1996:282], «стереотипы социального поведения» [Сепир 1993:595-596], которые являются не механическим прототипом существующей действительности (ритуальной и онтологической), а субъективно осмысленными, идеализированными представлениями о ней [Романова 1997:25].

Названные представления формируются в ритуальной коммуникации для того, чтобы, будучи вызванными в сознании участников коммуникации, побудить их к совершению определенных (речевых, ментальных или физических) действий.

В ритуальном мышлении пространство разделено на три значимые зоны: «свою», «чужую» и «нейтральную» (зону взаимодействия). Каждая из них имеет свою эмоциональную, причем визуализированную соответственно в белый, черный и красный цвета, окраску [Монич 2000:84].

Учитывая специфику ритуальных речевых актов, Е. Г. Романова [Романова 1997: 47-52] предложила свое видение стратификации ритуальных речевых актов, опираясь на социально-событийный критерий речевого взаимодействия. В типологическом основании этой классификации в качестве эксплицитного показателя конкретного типа выступает суггестивная направленность вербальных действий на реализацию целевой программы воздействия.

Ритуальность политического дискурса реализуется в стереотипных контекстах [Макаров 1985:119], которые характеризуются тремя аспектами социально-регулятивной функции: 1) аккумуляция и трансляция социального опыта: в нем находит свое отражение национально-культурная специфика ритуальной коммуникации; 2) социальный контроль, где реализуется нормативный характер, императивность ритуального взаимодействия; 3) социальная интеграция, которая обуславливает групповую направленность ритуальной коммуникации.

Говоря о ритуальной коммуникации необходимо упомянуть идею У. Фикса [Fix 1992:14] о редуцированной и искаженной коммуникативной компетенции (*reduzierte und verformte Kommunikationkompetenz*), под чем понимается недостаточно развитая способность к самостоятельному речевому выражению (страх перед письменными формулировками и особенно – из-за отсутствия практики – перед публичными выступлениями)

и ослабленная способность (*verkümmerte Fähigkeit*) к восприятию на слух (невнимательное слушание, частые «отключения», поскольку, по привычке, не ожидают услышать ничего нового). Последнее обстоятельство часто приводит к коммуникативным неудачам и используется в процессе «демагогической игры с речевыми актами» [там же: 28], когда незаметно для реципиентов производится подмена одного типа речевого акта другим.

По мнению У. Фикс, основная черта ритуального речепроизводства заключается в том, что оно организует определенную систему отношений между коммуникантами. В этом, а не в том, чтобы передавать первичную информацию, состоит смысл ритуальной коммуникации.

1.2.3. Идеологичность политического дискурса

Целью общения политиков является проведение определенной идеологии, направленного воздействия на адресата путем использования определенных языковых средств. Под идеологией понимается система принципов, лежащая в основе групповых знаний (верований) и мнений и основанная на групповых ценностях. Обусловленные идеологией ментальные схемы субъектов политического общения определяют их вербальное поведение, в частности, стратегии и риторические приемы, импликации и пресуппозиции, речевые ходы и тематическую структуру дискурса [Шейгал 2000].

Т. А. ван Дейк [van Dijk 2001], характеризуя идеологии как базис социальной репрезентации групп (*social representation*), высказывает мнение о том, что политики апеллируют как минимум к двум идеологическим субстанциям:

- профессиональным идеологиям, что характеризует их функциональность в качестве политиков;
- социополитическим идеологиям, которым они привержены как члены политических партий или социальных групп.

Некоторые ученые [Лукашенец, Щербин и др.1988:23], рассматривая отношения языка и идеологии, считают, что следует вести речь не об идеологическом характере языка как общественного явления, а об идеологически обусловленном характере применения конкретных языков. Характерно, что ситуации, когда язык оказывает реальное воздействие на сознание в силу своей естественной специфики, общественно менее значимы, чем ситуации, когда намеренно формируются определенные свойства языка с целью его дальнейшего использования для воздействия на массовое и индивидуальное сознание и поведение.

Исследование проблем связи языка и идеологии [Стриженко 1988:147] обнаруживает, что:

- одна и та же информация по-разному воспринимается и воздействует на человека в зависимости от его социального статуса и мировоззрения;
- семантика информации может быть организована по-разному, чтобы воздействовать на разных людей с целью подчинения их общей системе взглядов, внедрения в их сознание общего мировоззрения;
- управление семантической информацией способствует ориентации аудитории на политическое восприятие действительности.

Т.А. ван Дейк также подчеркивает принципиальное сходство между языком и идеологией, говоря, что они существуют только в рамках социальных групп или культурных общностей [ван Дейк 2000:53].

Большинство собственно лингвистических предпосылок, заключающихся в использовании языка для целей воздействия, лежат в сфере устройства языковой системы, ориентированной на основную функцию языка – быть средством общения между людьми.

Общим местом во взаимоотношении «язык-идеология» является то, что все верования, в том числе и идеологические, формулируются средствами естественного языка. Логическим следствием этого является тот факт, что

идеологические пропозиции могут конституировать значения фраз, предложений или дискурса естественного языка [ван Дейк 2000:55]. Члены группы, формируя групповую идеологию, выбирают прагматически значимые и подходящие пропозиции и используют их в качестве семантической репрезентации дискурса. Ван Дейк выделяет три уровня верований: фундаментальные; частные, ситуативные; особые.

Контекстуальное ограничение при прямом выражении общих положений идеологии сужает высказывание до уровня дидактического дискурса или пропаганды или превращает его в элемент дидактического дискурса, в котором пропагандируемое подвергается реципиентом сомнению. В каждодневном дискурсе у коммуникантов, которые представляют определенные группы, нет необходимости выражать свое идеологическое мнение другим членам группы, так как оно разделяется членами группы и является само собой разумеющимся.

Любая общественно-политическая система, в основе которой лежит замкнутая, неразвивающаяся картина мира и имеется соответствующая этой картине мира иерархия культурных ценностей, обязательно формирует свой язык, фиксирующий в значениях своих единиц эту картину мира и навязывающий ее сознанию людей [Bergsdorf 1991:34].

Идеологический дискурс – это изначально групповой дискурс, фокус семантического внимания которого неизбежно смещается на характеристики групп, находящихся в идеологическом конфликте. Языковые пользователи, являющиеся членами группы, в случаях актуализации идеологического содержания (в процессе обучения, привлечения новых членов или пропагандистского воздействия) склонны фокусировать внимание на пропозициях, преувеличивающих различие между группами, равно как и на пропозициях, в которых обнаруживаются типичные категории групповых схем (критерии членства, типовые действия, цели, нормы, ресурсы и пр.) [ван Дейк 2000:59].

Р. Ратмаейр [Rathmayer 1990], анализируя дискурс времен правления коммунистической идеологии в России, считает, что текст, релевантный в политико-идеологическом плане, был важен сам по себе, так как имел определенную тематическую заданность, был ритуальным текстом (как, например, средневековый). Допускалось только буквальное цитирование, так что роль говорящего как автора текста сводилась практически к нулю.

Идеологический язык имеет двойную природу: он выражает и передает идеологическую мысль, он манипулирует ею и оказывается объектом манипуляции. «Существуют специальные «языки идеологии», каждый из них представляет собой целостную закрытую систему значений и ценностей, претендующую на истинность. Идеологии, будучи структурами мифов, устанавливают вторичную реальность, которая становится социальной практикой; при этом первичная реальность подвергается табу. Возникает новое измерение значений и ценностей, выражающее себя в новых концептах и коннотациях. Устранение рефлексии происходит с помощью стереотипов и клише, которые систематически повторяются, таким образом, определенные области становятся табуированными, другие - автоматизируются, многие же освобождаются от истории (история перефразируется или переписывается заново)» [Водак 1997:75].

Манипулирование общественным сознанием с помощью языка приводит к тому, что идеологические коннотации определенных слов искажают их значения.

Многолетняя социализация общества обеспечила наличие у ее членов определенных знаний об общественно-политической коммуникации, о языковых действиях в институциональных формах общения.

Рассматривая политический дискурс бывшей ГДР, У. Фикс [Fix 1992] высказывает предположение, что ритуализация и шаблонизация языка и речи, проводившаяся на протяжении всей истории существования ГДР, породила специфические структуры и синдромы, идеологию (например,

вынужденный конвенциализм, веру в существующее оправдание его любой ценой). Шаблонизация и ритуализация приводили к обеднению языка, так как отдавалось предпочтение какому-то одному, определенному языковому средству, даже если существовал выбор.

Т. А. ван Дейк [van Dijk 2001], характеризуя идеологическую направленность политического дискурса, приходит к мнению, что анализ данной составляющей не имеет под собой достаточного основания, так как участник политической коммуникации может быть приверженцем нескольких идеологий, разделять взгляды различных направлений, течений, учений. В связи с этим складывается уникальное сочетание идеологий, что не находит отражение в общей теории идеологии, которая характеризует ее как групповой феномен.

Анализ политического и идеологического дискурса в своей практике проецируется в основном на индивидуальные дискурсы. В связи с этим наряду с категорией интертекстуальности Т. А. ван Дейк предлагает ввести категорию интеридеологичности (*interideologicality*), которая соотносится с возможными путями взаимодействия идеологий в создании специфических дискурсов.

Степень формальной свободы или вариативности, которую допускает языковая система и контекст, может получить дальнейшее развитие благодаря идеологическим ограничениям, налагаемым на высказывание. Впрочем, здесь может быть и обратная зависимость. В случае, когда лингвистическая система не допускает формальной вариативности способов выражения, лежащих в основе пропозиций или прагматических функций, подобные выражения не могут быть идеологическими, т.е. использоваться членами различных идеологических групп в тех или иных ситуациях.

Можно сделать предположение, что изначальные ограничения, лежащие в основе идеологических манипуляций лингвистической формой, характеризуются определенной двойственностью. Во-первых,

предполагается наличие формального прототипа (аналога) семантической структуры, т.е. перевод, к примеру, агента и его включение в действие в рамках синтаксической структуры (что встречается в различных номинативных или предложных конструкциях, играющих роль подлежащего или других членов предложения, в начальных или конечных позициях). Иными словами, существует много способов формального «выражения» агента, и это разнообразие может быть идеологически ангажировано. Во-вторых, с помощью комбинации лексических единиц и синтаксических структур в лингвистические формы внесено не только конкретное семантическое «содержание», но и семантическая структура [ван Дейк 2000:62].

С идеологией самым тесным образом связан политический миф. С одной стороны, мифология участвует в формировании национального или классового сознания, с другой стороны, «мифологизация может стать вторичным порождением идеологии, если в ней усиливается тенденция внушения в сознание общества превратного понимания действительности» [Ерасов 1997:163].

Под мифами понимаются вторичные семиотические системы, конституирующие вторичную реальность, в которую, в свою очередь, верят и обязаны верить все члены данного коллектива, т.е. мифы представляют собой принимаемые на веру определенные стереотипы массового сознания [Водак 1997:21].

Говоря о проявлении политических мифов, нужно упомянуть, что специфика политического сознания (особенно на уровне общественной психологии) заключается в практической невозможности верифицировать что-либо опытными средствами из-за недостатка, а также существования определенной ригидности стереотипа, препятствующей сопоставлению различных, подчас прямо противоположных информационных вариантов [Заводюк 2000].

Политический миф может быть рассмотрен как некоторое информационное сообщение, но не как организованный текст. Нам представляется, что в отличие от идеологии, миф концептуально не оформлен. Его содержание постоянно меняется и не тождественно самому себе.

В многочисленных исследованиях по психологии, философии, социологии и семиотике мифа выделяются его характерные признаки. Прежде всего, это аксиоматичность и неverifiedируемость как проявление не критичности мифологического сознания (значимость, момент веры). Миф, как правило, недоказуем, поскольку мифологическое мышление не подчиняется логике, нечувствительно к противоречиям. С аксиоматичностью мифа непосредственно связаны такие его особенности, как упрощенное видение реальности, упрощенно-казуальное толкование событий: миф «отменяет сложность человеческих поступков, дарует им эссенциальную простоту, упраздняет всякую диалектику ..., в организуемом им мире нет противоречий, потому что нет глубины» [Барт 1996:270].

Важнейшим свойством мифа является его внерациональность, примат образно-эмоционального начала: «Миф оказывается первичной и древнейшей формой власти – властью организованных эмоций, инстинктов и чувств». [Кравченко 1999:16].

С точки зрения психологической структуры подошел к анатомии мифа В. Г. Заводюк [Заводюк 2000], где он предложил, опираясь на теоретические труды предшественников, разложить миф на два структурных уровня организации содержания. На первом (архетипическом) уровне, доминирующем в психике носителя политических мифологем, существуют бессознательные архетипические основания мифа, практически идентичные с коллективным бессознательным К.-Г. Юнга. Это инстинктивный стихийный, эмбриональный уровень мифа, реализуемый в снах, видениях, групповой символике и пр.

На стереотипическом уровне, в большей степени зависящем от реальных исторических условий, осуществляется перекодирование бессознательных элементов в смылосодержательные, повествовательные, эмоциональные построения, в форму организации знания об окружающем мире в виде стереотипов. Архетип адаптируется к требованиям сегодняшнего дня, превращаясь в стереотип. На этом уровне, безусловно, доминирует рациональное начало. Сознание группы «приспосабливает» архетип к изменениям в политической реальности, порождая видимость и кажимость.

Архетипические образы воплощаются в стереотипы, которые несут на себе отпечаток человеческой индивидуальности, значимые черты исторической эпохи, драматизм конкретных политических событий.

Значимость мифа в политической коммуникации связана с тем, что политика основана не столько на глубоко проработанных интеллектуальных концепциях, сколько на пропаганде, а пропаганда – «это язык аллегорий, гипнотизирующий массы, язык мифологем и мифсюжетов... Масса ищет ослепления и сенсации, а не логики. От вождя или пропагандиста нужно только умение искреннего и яркого обоснования того или иного шага. У массы нет ни времени, ни желания изучать аргументы, взвешивать все «за» и «против» [Савельев 1998:167].

Миф есть продукт спонтанного коллективного творчества, он свойственен массовому сознанию. Обязательным условием существования мифа является широкая поддержка общественного мнения. Миф как вторичная семиотическая система «конституирует вторичную реальность, в которую, в свою очередь, верят и обязаны верить все члены данного коллектива» [Водак 1997:23].

Современная политическая мифология не избавилась от ритуального начала, хотя формы ее ритуальности сильно изменились, так как «они уже не связаны (или почти не связаны) со сверхъестественными потусторонними силами, но по-прежнему связаны с социальными ритуалами (культами, нере-

лигиозными формами веры, знаками почета, политическими и идеологическими формулами, сценическими действиями – шествиями, манифестациями и пр.)» [Кравченко 1999:11].

Важнейшими функциями политического мифа, выделяемыми в работах разных авторов [Гуревич 1996; Маслова 1997; Шейгал 2000], являются следующие:

- объяснительная функция: миф выступает как средство социальной ориентировки, способствует лучшему пониманию массами сложных политических понятий и теорий;
- функция оправдания определенных политических действий: политики часто прибегают к языку мифов в попытке убедить избирателей в преимуществах своих политических программ и в своих достоинствах как кандидатов на тот или иной пост;
- функции поддержания стабильности системы, защиты существующего порядка;
- связующая функция, благодаря которой носители одной мифологии сознают свое единство; мифы способствуют поддержанию единства общества, обеспечивают связь между индивидом и политическим обществом;
- магическая функция – создание и «разгадка» политических загадок, поддержание состояния веры по отношению к политическому вождю и проводимому политическому курсу, а также разного рода обещаниям и обязательствам.

Мифы санкционируют и укрепляют общественные, в том числе политические, ценности, задают смысловые ориентиры культуры, структурируя принятую в обществе парадигму социального и культурного поведения.

Языковым носителем мифа является мифологема, которая относится к ключевым знакам политического дискурса. Языковое существование политического мифа непосредственно связано с такими характеристиками поли-

тического дискурса, как фантомность и фидеистичность, что отражается в прагматической структуре значения мифологемы. Отличительным признаком мифологемы является фантомный денотат – либо несуществующий, либо настолько неясный и размытый, оторванный от реальной действительности, что это создает простор для работы ложного сознания [Шейгал 2000:153-157].

Затрагивая природу мифа как социального явления необходимо также упомянуть о термине «предубеждение», которое является неотъемлемой частью категории «миф». Предубеждения строятся на обобщении и часто не позволяют людям, обремененным этими предубеждениями, объективно воспринимать новые факты и корректировать свои мнения в соответствии с ними.

Предубежденные люди ригидны к убеждению, поскольку «у них всегда наготове данные, интерпретируемые лишь в каком-то одном, вполне определенном ключе, всегда имеется «еще один аргумент». В этом и заключается главное отличие предубеждений от «обобщений» или «необходимых когнитивных образов» (образов восприятия), которые могут приспособливаться к новым ситуациям и изменяться на основе нового, качественно иного опыта. Как следствие этой ригидности и негибкости возникают языковые клише и стереотипы, которые, в свою очередь, способствуют закреплению предубеждений [Dijk 1984].

Р. Водак подчеркивает конвенциональность стереотипов, которые осуществляют функцию единого языкового регулирования для предубежденных людей: «Стереотипы являются обязательными компонентами словарного запаса для обозначения и описания некоего меньшинства или группы аутсайдеров со всей присущей этим языковым единицам палитрой невысказанных, но подразумеваемых негативных оценок» [Водак 1997].

1.2.4. Интертекстуальность политического дискурса

В теоретическом плане концепция интертекстуальности затрагивает очень широкий круг проблем. С одной стороны ее можно рассматривать как побочный результат теоретической саморефлексии постструктурализма, с другой как результат критического осмысления широко распространенной художественной практики, захватившей в последние тридцать лет не только литературу, но также и другие направления науки [Ильин 2001:105].

Интертекстуальность в настоящем исследовании понимается как использование элементов уже существующего текста в процессе создания и функционирования нового [Иванова 2001:7].

Как свойство политического дискурса интертекстуальность проявляется в воспроизводстве определенных идеологем, социокультурных установок, ценностей, норм. Использование элементов прецедентных текстов формирует концепт, т.е. социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. Под влиянием изменений в идеологии нации непрерывно меняется корпус национальных прецедентных текстов, прежние тексты вытесняются, на их место приходят новые. Реминисценции, апеллирующие к прежним прецедентным текстам, не воспринимаются в качестве таковых и могут сами приобрести статус прецедентности, стать основой для новых реминисценций. [Слышкин 2001].

В обширном ряду признаков интертекстуальности релевантными для исследования политического дискурса являются следующие: 1) обязательное обозначение в тексте интертекстуальных включений и их осознанность автором и проецируемым адресатом, 2) выделение текстовых включений как на формальном уровне, так и на уровне смыслов и значений.

Политический дискурс основывается на прецедентных текстах, в нем выражаются идеологемы и конвенциональные структуры, которые можно отнести к категории интертекста.

Политический субъект посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть престижными, модными, одиозными и т.д. Подбор цитат, характер аллюзий – все это в значительной мере является элементом самовыражения автора. В дискурсах некоторых политических субъектов проявляются тенденции к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи.

Интертекстуальные связи могут быть классифицированы, в частности, по следующим основаниям: уровень межтекстового взаимодействия, источник текстового включения, его истинность/ложность (при этом квази-интертекстуальные связи включают следующие разновидности: с ложным источником, с ложным содержанием и с ложной связью), способ актуализации межтекстовых связей, выполняемые ими функции [Иванова 2001:7].

Отсылки к каким-либо текстам могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию. В некоторых случаях интертекстуальные ссылки фактически выступают в роли обращений, призванных привлечь внимание определенной части аудитории.

Обмен интертекстами при общении и выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать позволяет установить общность как минимум их семиотической (а возможно и культурной) памяти или даже их идеологических, политических позиций и эстетических пристрастий.

Существует несколько уровней восприятия интертекстуальных связей. Подобно тому, как Ю.С. Степанов [1995] выделяет поверхностный и глубокий смыслы концепта, целесообразно говорить о первоначальном восприятии и последующем осмыслении интертекстуального заимствования.

Связь с источником может быть поверхностной. В таком случае затрагивается только та часть заимствуемого текста, которая воспроизводится или активизируется ссылкой; неидентификация ссылок подобного рода аудиторией не влечет за собой непонимания всего текста или его значительных сегментов.

Глобальные интертекстуальные отношения, устанавливаемые в рамках целого текста, как правило, имеют несколько уровней смысла и образуют отношения с источником на уровне ключевой идеи. Неустановление таких связей реципиентом приводит к серьезным смысловым пробелам и, возможно, ложному пониманию концепции всего текста.

Интертекстуальность в политическом дискурсе направлена также на передачу информации о внешнем мире: это происходит постольку, поскольку отсылка к иному, чем данный, тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом «внешнем» тексте (претексте). В этом отношении когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает определенное сходство с механизмом воздействия таких связывающих различные понятийные сферы операций, как метафора и аналогия. Степень активизации опять же варьирует в широких пределах: от простого напоминания о том, что на эту тему высказывался тот или иной автор, до введения в рассмотрение всего, что хранится в памяти о концепции предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике, аргументации, эмоциях при его восприятии и т.д. За счет этого интертекстуальные ссылки могут, помимо прочего, стилистически «возвышать» или, наоборот, снижать содержащий их текст.

С точки зрения автора (политического субъекта), интертекстуальность – это (в дополнение к установлению отношений с реципиентом) также способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с текстами дру-

гих авторов. Это могут быть отношения идентификации, противопоставления или маскировки.

В случае цитации автор преимущественно эксплуатирует реконструктивную интертекстуальность, регистрируя общность «своего» и «чужого» текстов, а в случае аллюзии на первое место выходит конструктивная интертекстуальность, цель которой – организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры нового текста.

Возможностью нести аллюзивный смысл обладают элементы не только лексического, но и грамматического, словообразовательного, фонетического уровней организации текста; он может также опираться на систему орфографии и пунктуации, а также на выбор графического оформления текста – шрифтов, способа расположения текста на плоскости.

В силу разножанровости политического дискурса в нем бывают представлены самые разнообразные виды интертекстуальных ссылок – от прямых цитат до порою довольно тонких аллюзий: *Легко ли быть и.о.?* (Завтра. 29.02.2000); *И.О. плюс электрофикация всей страны* (Новая газета. 13.01.2000); *Операция «С новым Годом»* (Независимая газета. 06.01.2000); *Путин красное солнышко* (Век. 24.12.1999); *Путин сделал свое дело* (Итоги. 23.12.1999); *Таких не берут в президенты* (Время МН. 21.12.1999); *Архипелаг Ельцаг* (СР. 23.11.1999). Здесь выделяется тот же набор основных функций интертекста, трансформированных с учетом специальных функций. Оознавательная функция интертекстуальности преобразуется в политическом дискурсе в инструмент точного нацеливания сообщений на конкретную целевую аудиторию, поэтическая – в способ смягчить априори негативное отношение к политическому субъекту, референтивная – в средство формирования имиджа политического субъекта.

Кроме того, тексты политических субъектов имеют коллективного автора (спичрайтер, политический деятель, редактор и т.д). В этом также, в свою

очередь, проявляется интертекстуальность политического дискурса [Кашкин 2001].

Кроме того, частотность прибегания к текстovým реминисценциям в речи, умение использовать их адекватно своим коммуникативным целям, количество и жанровая отнесенность текстов, служащих основой для текстových реминисценций, являются важными показателями при характеристике политического деятеля как языковой личности [Слышкин 2001].

1.3. Выводы к Главе 1

Подводя итоги теоретическим работам в области политической коммуникации, необходимо остановиться на ключевых понятиях, которые в значительной мере являются определяющими для всего исследования.

Основополагающей категорией работы является понятие «дискурс», которое трактуется как речевая деятельность в звуковой, графической или электронной репрезентации, включенная в широкий социальный, психологический, деятельностный и т.д. контекст.

Немаловажным аспектом во всей онтологии изучения политического дискурса является его вычленение по сравнению с другими типами дискурсов. Неоднозначность дифференциации данного типа дискурса обусловлена диффузностью самого определения категории политики. В нашем исследовании мы характеризуем политику как деятельность, направленную на завоевание и использование власти. В связи с этим основным тематическим определителем для выделения политического дискурса является «борьба за власть», при этом власть понимается как способность, право и возможность распоряжаться, оказывать воздействие на кого-либо, что-либо.

Соотнесенность основных параметров дает возможность выделить политический дискурс как речевую деятельность политических субъектов в сфере институциональной коммуникации. Отличительными признаками политического дискурса являются следующие.

1. Конвенциональность, проявляемая в конвенциональных семантических формах (клише, идиомах, системе политических терминов). Политический дискурс представляет собой локус социального символизма, где (вос)производятся социально релевантные образы структурируемой действительности. Конвенциональность политического дискурса также способствует упрощению схем интерпретации политических реалий. Другим аспектом конвенциональности является ритуальность, выражающаяся в стереотипизации поведения и коммуникации.

2. Институциональность как непрменный атрибут политической коммуникации, поскольку политические субъекты являются представителями различного рода институтов.

3. Идеологичность, которая основывается на традиционной связи политики и идеологии. Под идеологией понимается система социальных представлений, групповых знаний, верований и мнений, основанная на групповых ценностях, нормах и интересах.

4. Интертекстуальность как свойство (вос)производства политических текстов в рамках выражения определенной идеологии, социокультурных установок, ценностей, норм.

Прагматическим аспектом политического дискурса является выделение его функций. Неоднозначность и многосторонность подходов к определению доминирующих функций политического дискурса еще раз подчеркивают его сложность как общественно-политического феномена. В нашей работе мы выделяем доминирующие функции: манипулятивную и ориентирующую.

Среди остальных функций политического дискурса могут быть выделены функция социального контроля, функция легитимизации власти, функция воспроизводства власти, ориентационная функция, функция социальной солидаризации и дифференциации и агональная функция.

Политический дискурс направлен на выражение идеологии. Под последней понимается система принципов, лежащая в основе групповых знаний (верований) и мнений, основанная на групповых ценностях.

Идеологичность дискурса сопряжена с воздействием на мифологический тип мышления, что приводит к выделению категории мифотворчества в политическом дискурсе. Под мифами понимаются вторичные семиотические системы, создающие вторичную реальность, в которую, в свою очередь, верят и обязаны верить все члены данного коллектива. Мифологические образы характеризуются аксиоматичностью и неverifiedируемостью, что позволяет использовать их политическими субъектами в рамках манипулятивной программы.

ГЛАВА 2 КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Конструирование манипулятивной модели дискурса

Избирательные кампании призваны привлечь как можно большее количество избирателей на сторону кандидата посредством использования различных методик. В избирательной кампании цель политика не всегда очевидна: избраться или осуществить предвыборную программу. Поскольку реальные цели часто не декларируются, а избирателей никто не собирается вовлекать в публичную политику или в коммуникативный процесс по поводу целей кандидата, то здесь мы можем говорить о манипуляции сознанием избирателя.

Это подтверждается еще и тем, что в случае политической коммуникации вычленимы, по крайней мере, два уровня смысла: уровень прямо сказанного слова и уровень априорных посылок, то есть то, на что автор осознанно или неосознанно опирается в процессе взаимодействия как на аксиомы, при этом не оговаривая истинности этих посылок [Алтунян 1998].

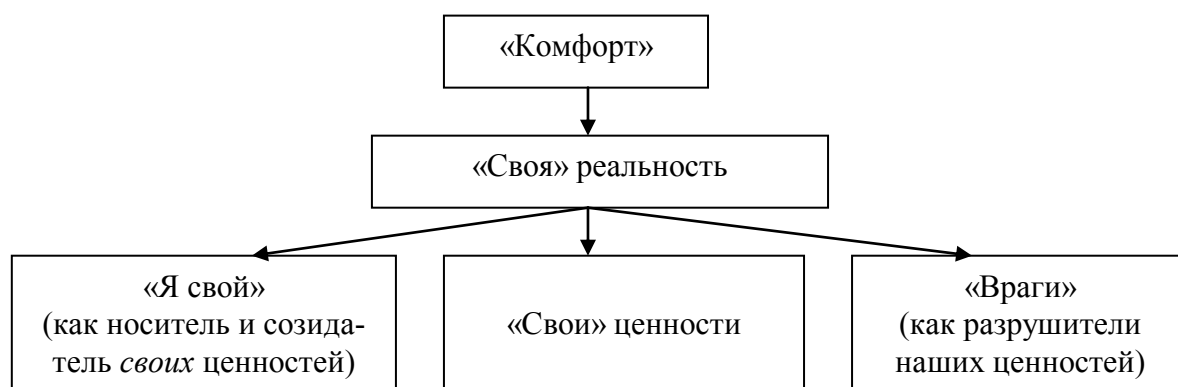
Определяющей доминантой политического дискурса является «борьба за власть», которая предполагает привлечение как можно большего числа сторонников на свою сторону. В этом случае можно говорить о том, что субъекту политики необходимо создать соответствующую дискурсивную среду (реальность), которая максимально бы отвечала удовлетворению потребностей, интересов и ожиданий целевой аудитории. Политический текст должен быть полностью понят всеми членами предполагаемой аудитории, он должен полностью поддаваться расшифровке [Алтунян 1999:19].

В этом случае можно говорить о создании дискурсивной реальности «комфорта», как основной модели манипуляции. Под дискурсивным «комфортом» понимается максимальное совпадение конструкторов дискурсивных реальностей при номинации ожидаемых реципиентом личностных когнитивных структур (верований, мнений, суждений, предубеждений). Реципиент

в процессе коммуникации получает реализацию своих основных предубеждений, стереотипов, т.е. политик в максимальной степени приближается к реальности самого реципиента. Происходит интерференция двух реальностей: той, которую создал и в которой живет реципиент, и той, которую создает политик. Чем больше степень наложения двух дискурсивных реальностей, тем выше степень «комфорта», «разделяемости взглядов» и поддержки.

Создание «комфортной» дискурсивной реальности основывается на выявлении разделяемых элементов дискурсивной реальности политика и реципиента (Схема 1).

Схема 1. Структура дискурсивного «комфорта»

Элемент «Своя»-реальность предполагает наличие как минимум трех основных взаимодействующих компонентов:

- «наши ценности», т.е. когнитивные предпочтения, своеобразная точка отсчета;
- «я свой», что означает положительную самопрезентацию в рамках когнитивных представлений реципиента;
- «враги», что подразумевает реификацию и делигитимацию оппонента.

Данные категории имплицитно взаимосвязаны, так как, обозначая, например, враждебный для аудитории образ, политик тем самым подчеркивает разделяемость взглядов, становится своим.

Конструирование и воспроизведение дискурсивной реальности в процессе предвыборной кампании предполагает ее неудовлетворительное положение в силу объективных и субъективных причин, а также ее динамическое развитие в будущем при условии реализации условий, выдвигаемых субъектом. Будущая реальность обусловлена модальностью текстов политического субъекта в настоящем.

Для создания дискурсивной реальности политические субъекты прибегают к различным наполнителям, в качестве которых выступают предубеждения, верования, установки, ценности и стереотипы.

Последние представляют собой определенный тип социальных представлений, под которыми понимается «общий для членов данного социума интерактивно воспроизводимый процесс понимания объектов и процессов и способ коммуникации по их поводу» [Макаров 2001:68]. С. Московичи отображает социальные представления как сложную многоуровневую систему действий, идей и ценностей. При этом выделяются две функции социальных представлений:

- установление порядка, который позволил бы индивидам ориентироваться в материальном и социальном мире и управлять ими;
- обеспечение самой возможности общения, посредством выработки кода для социальных обменов и кода для наименования и единой классификации различных аспектов «мира», индивидуальной и групповой истории.

В политической коммуникации продуктом познавательного процесса являются социально-политические представления. Их группировку и типологизацию можно осуществить исходя из их содержания, заключенных в них идей, концепций, политических ориентаций, познавательных функций [Диллигенский 1996:54-55]. Социальные представления суть результат интеракции. Именно в интерактивных процессах социальные представления рождаются, модифицируются, обмениваются и распространяются по социальным группам: они конституируют социальные группы и определяют их границы.

В данном контексте представляется возможным применить для конструирования и реализации социальных представлений в процессе манипуляции термин анкоринг, заимствованный из концепции социальных представлений [Макаров 2001]. Суть данного процесса заключается в том, что новые дискурсивные практики строятся на прецедентных социально-политических репрезентациях, т.е. в политической коммуникации манипуляция строится на уже существующих стереотипах, предубеждениях и верованиях. При этом могут формироваться новые типы социальных представлений (стереотипы, предубеждения, верования). В тоже время манипуляция, как было замечено, во многом базируется на существующих социальных представлениях, и это также можно отнести к категории «заякоривания» посредством вербальных и невербальных средств коммуникации.

Манипуляция в политическом дискурсе включает в себя сознательную трансформацию дискурсивной реальности или создание новых различных дискурсивных практик (например, гиперболизации, эвфимизации или элиминирования информации). Термин «манипуляция», по нашему мнению, адекватно отражает процесс конструирования политической дискурсивной реальности при использовании различных лингвистических средств.

Фактически смысловое наполнение дискурсивной реальности основывается на семантической мотивации, когда посредством реализации компонентов дискурсивной структуры реципиент воспроизводит свои когнитивные элементы в заданном для манипулятора направлении.

2.2. Стереотипизация политического дискурса

Реализация определенной дискурсивной реальности базируется на реификации социально релевантных стереотипов. Задача стереотипов состоит в том, чтобы укреплять мнения и сомнения своих носителей; одновременно они представляют собой основу для формирования и укрепления солидарности таких людей (общий язык и общие ценности объединяют). Стереотипы

поставляют вокабуляр, мотивирующий и объясняющий действия. Такие метафоры и выражения свидетельствуют о том, что в обществе существуют объекты, в отношении которых позволается враждебность и агрессия [Водак 1997].

Под стереотипом в социологии и психологии обычно понимается стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно-определенный образ. В основе производства социального стереотипа лежит психологический феномен генерализации, обобщения, схематизации данных опыта. Особенности социального стереотипа как регулятора социальных отношений является феномен поляризации качеств человека (как главного социального объекта и основного содержания стереотипа) и жесткая фиксированность такой полярной дихотомии. Синонимом стереотипа нередко выступают понятия предубеждения, предрассудка или клише.

К языковым стереотипам можно отнести способы номинации, референции, предикации в их прагматических значениях, а также распределение и соотношение различных стилистических средств. Взятые вместе они составляют языковой стереотип формирования дискурса как структуры социального порядка (соотношение между формой и социокультурной ценностью). К языковым стереотипам можно отнести использование таких категорий как многословие, сдержанность, эмоциональность, логичность, красноречие и др. [Методология исследований политического дискурса 1998:33].

В отличие от языковых стереотипов, не связанных непосредственно с поведенческим аспектом языка, коммуникативные стереотипы – это проявление конвенционального речевого поведения, включенного в интерактивную деятельность и регулирующего социальный процесс. Коммуникативные стереотипы по своей мотивированности, степени формализованности и обязательности подразделяются на ритуальные (совершаемые в типичных ситуационных контекстах по традиционной форме, немотивированные с точки зрения современного коллектива) и неритуальные, представляющие собой

конвенциональные формы поведения, формирующиеся постоянно под влиянием социальной практики и предполагающие возможность варьирования и творческого выбора в репертуаре говорящих.

Конституирующее действие коммуникативных стереотипов может выступать в двух функциях: свидетельствовать только о принадлежности коммуникантов к языковому коллективу как целому или диагностировать их различные социальные роли, т.е. выполнять функцию социального символизма [Методология исследований политического дискурса 1998:33-34].

Стереотип не только выявляет статистически среднее мнение, но задает норму, упрощенный или усредненный до предела образец социально-одобряемого или социально-допустимого поведения.

Стереотипы с лингвистической точки зрения представляют макротематические структуры с развитой, а иногда и взаимоинтегрированной иерархией пропозиций. Детализация пропозиционального содержания макротематической структуры может во многом зависеть от экстралингвистических факторов (гендер, социальный статус, целевая аудитория и т.д.).

Любая пропозиция, привлекающая общие пропозиции, которые, в свою очередь, являются пропозициями идеологических схем или могут быть извлечены из таких схем, является предпочтительной в производстве идеологического дискурса. Отсюда следует, что темы (являясь пропозициями) управляют макроструктурами и порождают имплицитные пропозиции, которые они обычно подразумевают, но не утверждают и т.д.

Если контекст дискурса реализует идеологическую функцию (его назначение – обучение идеологии, ее пропаганда), то можно ожидать, что и в целом, и в отдельных случаях все пропозиции семантической репрезентации ориентированы на формирование ключевых пропозиций идеологии [ван Дейк 2000:59].

Для нашего исследования мы ограничились лишь произведениями, представленными в средствах массовой информации (центральные телеканалы,

газеты, журналы и радио). Мы допускаем, что политическая ориентация того или иного СМИ играет существенную роль в репрезентации материалов. Однако в нашем исследовании мы ограничиваемся выявлением манипулятивных стратегий. В связи с этим фактор политической ангажированности СМИ нами учитывается, но не включается в типологическую картину.

Конструктивно в политическом дискурсе создаваемая реальность выражается в категориях «я/мы-свой» и «враги», направленных на солидаризацию со «своей» целевой аудиторией и на дистанцирование от «чужой».

О.С. Иссерс, говоря о речевом воздействии политиков на аудитории, выделяет три типа коммуникативных стратегий: когнитивную, семантическую и риторическую [Иссерс 1997]. Вычленение последнего типа вызывает некоторые сомнения, поскольку приемы убеждения, привлечения внимания (повторы, преуменьшения, преувеличения, метафоры и т.д.) могут быть включены в первые два.

Т.А. ван Дейк определяет когнитивную стратегию как «способ обработки информации в памяти». Новое знание должно быть введено в модель мира адресата таким образом, чтобы он «принял его, соотнес с уже известным и осознал как свое, личное» [ван Дейк 1989:277]. Целью когнитивной стратегии является содействие адресату в обработке информации. Адресата в этой связи направляют в соответствующем векторе на переход «от частного примера к обобщению, из общих положений сделать выводы о частностях, перенести информацию из одной когнитивной области в другую» [там же].

Семантическая стратегия определяется как способ индуцирования желательной семантики, осуществляемый через использование различных языковых ресурсов. Семантические стратегии определяют, как и какими языковыми средствами цель может быть достигнута. Стратегии этого типа имеют непосредственное отношение к выбору семантических, стилистических и прагматических средств. Возможность достичь цели разными путями находит отражение в понятии речевой тактики, которое в некоторой степени со-

относится с понятием семантического хода у Т.А. ван Дейка [ван Дейк 1989]. Семантический ход реляционен, т.е. он определяется функционально по отношению к предшествующему и последующему ходам. Тактики же относительно независимы, они могут использоваться как изолировано, так и комплексно.

Говоря о языковых стереотипах, Е. Родионова выдвигает тезис о том, что клишированное выражение, вобравшее в себя некую сумму смыслов, становится мифологическим концептом данной идеологии. В его интенции заложено очень много — оно очерчивает объект, его состояние и то, как следует к нему относиться. Происходит подмена основного общеупотребительного значения слова на его коннотацию. Во многих случаях такое клише-понятие остается маркированным настолько сильно, что при любых обстоятельствах, в любом другом контексте коннотация ущемляет все прочие значения. Клише-понятия имеют несколько очевидных постоянных признаков. Первый из них — то, что, собственно, и делает их клише, — это повторяемость. Клише употребляются с некоторыми вариативными изменениями, это бывает, в частности, когда одно клишированное выражение сочетается с другим. Эта вариативность не противоречит другому несомненному признаку клише-понятия — их смысловой неразложимости. Любое клишированное выражение — это целый блок смыслов, который в сжатом виде содержит возможное дальнейшее развитие идеологического текста, а также некую предысторию, поэтому оно употребляется и воспринимается как единое целое [Родионова 2000].

Коннотативная специфика лексики политического дискурса получила широкое внимание со стороны исследователей, которые, в свою очередь, подошли к этой проблеме, используя различные терминологические категории. Так, М. Эдельман [Edelman 1964] произвел диверсификацию политических вербальных знаков на:

- референтные знаки (referential symbols), которые обладают эмоциональной нейтральностью и являются наиболее оптимальными средствами соотношения с объектами действительности (candidate, governor, senator);
- конденсирующие знаки (condensation symbols), которые аффективно заряжены и соотносятся с эмоциональными когнитивными образами (freedom fighters, independence).

В отличие от референтных знаков с явно выраженным денотатом, конденсирующие знаки характеризуются более расплывчатым и неопределенным денотатом [там же: 6].

Е. И. Шейгал предлагает обозначать коннотативно нагруженную лексику политического дискурса как «политические аффективы» [Шейгал 2000:115] и, вслед за Д. Грейбером [Graber 1976:291-294], выделяет следующие прагматические категории этих единиц:

- способность генерировать богатые образные ассоциации, извлекать из памяти яркие картинки прошлого опыта;
- способность активизировать сильные эмоции, провоцировать желаемую реакцию и тем самым служить сильным мобилизирующим средством;
- обеспечение быстрой категоризации понятия, его проведение через тот или иной «оценочный фильтр»;
- способность эффективно и экономно репрезентировать сложные политические реалии, что значительно облегчает процесс коммуникации.

В то же время данные преимущества могут приводить и к противоположным последствиям:

- упрощению и искажению картины реальной действительности, особенно за счет установления ложных казуальных связей;

- возникновению политических разногласий между социальными группами за счет диффузности денотатов;
- лимитированию способности критического анализа действительности [там же:308].

Неопределенность политического дискурса является одним из ключевых направлений в реализации манипулятивности. Использование методики неопределенности направлено на вуалирование и сознательное элиминирование нежелательной информации (мистификация истины), которая может иметь отношение как к совершенным действиям, так и к обещаниям (потенциальным действиям): *"Это абсолютно реальный сценарий. И Примаков, и Лужков должны с этим смириться"*, - заметил в разговоре на прошлой неделе **один из высокопоставленных кремлевских чиновников** (АиФ.21.12.1999) .

Неопределенность понятий, использованных в политическом дискурсе, затрудняет контроль со стороны адресата за действиями говорящего. В семиотическом плане неопределенность обусловлена явлением неточной референции. Е. В. Клюев [1996:125] выделяет несколько типов референциальной неопределенности, где слово соотносится с:

- чрезмерно широким кругом референтов;
- абстрактным референтом;
- референтом, по-разному трактуемым;
- неизвестным референтом;
- «чужим» референтом;
- несуществующим референтом.

Стереотипизация политического дискурса также проявляется в категориях формальности/неформальности. Среди языковых признаков формальной речи часто упоминаются её более высокая структурная организация, синтаксическая, лексическая и фонетическая нормативность и тщательность замедление темпа речи и увеличение объёма, высокий уровень ко-

гезии и когеренции, упорядоченность мены коммуникативных ролей, фиксированность темы.

Неформальной речи свойственна меньшая структурированность, эллипсис, повторы слов, хезитации, более высокий темп и ритм речи, а это значит, меньший объем ее единиц; тематическое разнообразие, снижение уровня когезии [Макаров 1998:147].

Формальность коррелирует с уровнем подготовленности речи и дискурса, где выделяются два аспекта: предварительное обдумывание и планирование (когнитивный аспект), а также организация языковых средств для оптимального выражения идей (риторический аспект). «Результатом предварительной подготовленности текста является то, что он ...характеризуется большей развёрнутостью, последовательностью, связанностью, законченностью» [Новиков 1983: 22]. Данная корреляция имеет ещё одно измерение: предварительно подготовленный текст обретает многие качества письменной формы речи, даже если этот текст и озвучен посредством чтения (*scripted speech*) [Atkinson 1982: 109].

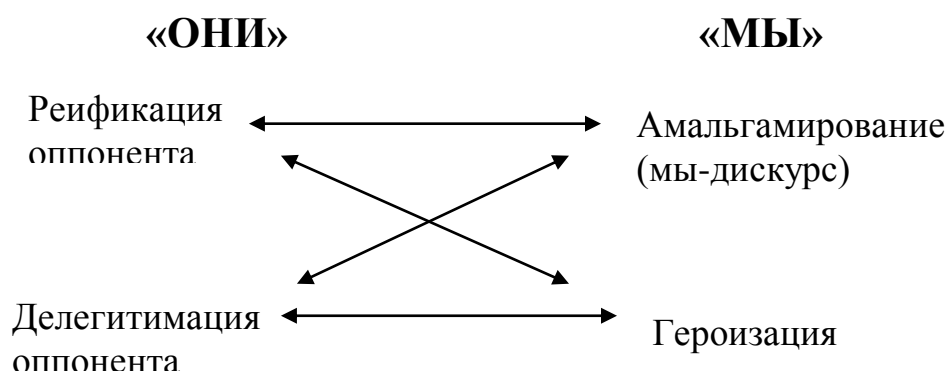
К признакам спонтанной речи, помимо упомянутых выше синтаксической простоты, меньшей длины предложений и слов, эллипсиса, относится также преобладание действительных конструкций. В подготовленном дискурсе, наоборот, возрастает удельный вес неагентивных конструкций (пассив) и безличных предложений, синтаксическая сложность реализуется в увеличении доли подчинительных связей.

Охарактеризовав основные характеристики манипуляции в политическом дискурсе, перейдем к анализу более широких структур, связанных непосредственно с тематической определенностью дискурса и стратегиями манипуляции. Как уже говорилось, основными доминантами в критическом анализе политического дискурса является выявление когнитивных структур, которые способствуют манипуляции общественным сознанием, а также способов их реализации.

Дихотомия политического дискурса «мы» - «они» диктует необходимость обратить внимание на эти структуры. Безусловно, интерференция данных категорий в политическом дискурсе приводит к появлению пограничных случаев, когда отдельные структуры в равной степени сочетают в себе элементы как категории «мы», так и «они». Для их анализа необходимо более глубокое и интегрированное изучение, поэтому в нашем исследовании мы ограничимся проявлениями наиболее типичных и часто используемых стратегий манипуляции.

При структурировании категории «они» в политической коммуникации мы выделяем методики реификации и делегитимации оппонента. Относительно конструирования категории «мы» в политическом дискурсе мы выделяем непосредственно амальгамирование (мы- дискурс) и героический дискурс.

Основные стратегии манипуляции можно свести к следующей схеме:

Взаимопроницаемость манипулятивных стратегий обусловлена комплексным воздействием возможных параметров для достижения большей эффективности манипуляции.

Ниже приводится более детальный анализ заявленных стратегий применительно к политическому дискурсу предвыборных кампаний 1999-2000 гг. Данные стратегии классифицировались по частотности и универсальности употребления политическими субъектами. Поэтому, несмотря на то, что некоторые политические субъекты расположены на разных политических осях

(Путин, Зюганов, Явлинский, Чубайс, Жириновский и т.д.), и, по сути, употребление манипулятивных стратегий должны иметь разные семантические и функциональные основания, мы придерживаемся точки зрения, что функциональная детерминированность коммуникации политических субъектов сводится к захвату и удержанию власти, иными словами, можно предположить, что основной семантико-прагматический базис для всех политических агентов один и тот же, поскольку анализируемые политические субъекты, с одной стороны, имеют определенный контроль над обществом, а, с другой стороны, хотят его расширить.

Выбор, использование и анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. был обусловлен тем, что, во-первых, в ходе предвыборных кампаний политические агенты пытаются в краткосрочный период получить как можно больше сторонников, во-вторых, в связи с этим проявляется агональность основных противоречий в обществе, и, в-третьих, выборы 1999-2000 гг. явились уникальным экспериментом политических технологий по внедрению новых политических субъектов в существующую политическую конъюнктуру, которые смогли заполучить значительное количество голосов избирателей за короткий срок, что указывает на эффективность предпринятой манипуляции в рамках политической коммуникации.

2.3. Реификация оппонента

В политическом дискурсе, где основной функцией является борьба за власть, необходимо конструирование и периодическое разрушение образа оппонента. Политическая коммуникация происходит на фоне символической борьбы за «производство здравого смысла», за «монополию легитимной номинации», в том числе, манипуляцию образами «своего» и «чужого» [Бурдье 1994:197-199]. Наиболее эмоционально детерминированным в этом плане, безусловно, является образ врага. При этом происходит необходимая поляризация на «своих» и «чужих».

Делегитимация в данном случае служит формированию образа врага, который виновен в сложившейся негативной ситуации. Посредством казуальной атрибуции происходит поиск «козла отпущения» [Водак 1997]. Выбор этих злых сил может производиться на основе стереотипов, распространенных в данной среде. Реализация сложившихся когнитивных моделей в то же время подчеркивает легитимность создаваемой действительности [Дука 2002].

Говоря о создании образа оппонента (врага) политики, в основном используют два типовых сюжета:

1. Непосредственная адресная референция на противостоящую враждебную силу.

2. Элиминирование или диффундирование референта. Среди типовых структур со смытым референтом в образе врага выступают:

- мифическая группа (*враги России и трудового народа; расхитители народного добра; предатели и авантюристы*);

- группа, имеющая отношение к экономическому управлению (*воровская олигархия, навязавшая всем нам режим криминальной диктатуры; горстка алчных дельцов*);

- группа, имеющая отношение к управлению государством (*Политика правящего режима полностью подпадает под международно-признанное определение геноцида* (НПСР Воззвание к патриотам России 11.10.1999));

- метафорические абстракции, связанные с неудовлетворительным экономико-правовым аспектом жизни государства (*бандитизм, криминал, бюрократия*).

Для номинализации врага политики часто используют тактику тематической гиперболизации, куда относится создание конвенциональных структур (КС) с ярко выраженной социально негативной коннотацией. Данные структуры используются, во-первых, для создания деструктивной социально-дискурсивной реальности, а, во-вторых, для обозначения круга своих, которые разделяют данные стереотипы.

Среди них в российском политическом дискурсе наиболее рекуррентными являются:

КС с тематическим компонентом ЗАГОВОР

Говоря о заговоре, имеют в виду тайное влияние на власть, неочевидность ее захвата или стремление захватить враждебными силами [Дука 1998]. Создается ощущение ясности врага при одновременной его трудноуловимости: *Как только мы приближаемся к союзу с Белоруссией, находятся силы, которые хотят это остановить. И это все как раз сценарий Запада. Они страшно боятся этого* (Жириновский В.В. НТВ, «Глас народа». 30.11.1999).

КС с тематическим компонентом НАЦИОНАЛЬНАЯ УГРОЗА

Атрибуция к понятиям национальной угрозы направлена на апелляцию к националистическим структурам, что, в свою очередь, способствует, с одной стороны, созданию образа групповой, а в последствие личностной опасности, а, с другой, осуществляет мобилизационную функцию по национальной отнесенности: *... перед лицом смертельной опасности, нависшей над страной; сегодня речь идет о самом существовании Российского государства и его многонационального народа* (НПСР Воззвание к патриотам России 11.10.1999).

КС с тематическим компонентом СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

- Голод и бедность/нищета: *Голодные старики и нищие учителя; унижение бедностью; Наш приоритет – побороть собственную бедность* (Путин В.В. Открытое письмо Владимира Путина Российским Избирателям).

В данном случае компонент «плохое материальное положение» трактуется политическими лидерами с разной шкалой интенсивности. Более эмоционально заряженными являются лексемы коммунистов, где слово «бедность», употребляемая центристами и либералами, заменено на «нищету»: *За пределами двух-трех крупных городов царит повальная нищета* (НПСР. Воззвание к патриотам России. 11.10.1999).

- Необеспеченные пожилые слои населения: **Старики, победившие в Великую Отечественную и создавшие России славу мировой державы, живут кое-как или того хуже побираются на улицах** (Путин В.В. Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям).
- Рост заболеваний: *эпидемии давно забытых болезней.*
- Коммунально-жилищные проблемы: *замерзающие города.*
- Демографическое состояние: *Миллионы ...беженцев, бездомных и беспризорных.*
- Упадок производственно-хозяйственной деятельности в промышленности, науке, сельском хозяйстве, армии и других сферах: *Заросшие бурьяном поля и опустевшие цеха; Сейчас наука просто уничтожается на корню. Не финансируется, не обновляется ее ресурсная база, наиболее талантливые в срочном порядке покинули страну и уехали за рубеж* (Зюганов Г. ЭМ. 08.03.2000).

КС с тематическим компонентом АНТИУТОПИЯ БУДУЩЕГО

Тематически категория антиутопии конструируется с проекцией в будущее и направлена на создание категории «страшного» будущего в случае, если избиратели не поддержат данного политического субъекта:

В стране, в которой будет править, не дай Господь, Примаков, или Лужков, или Зюганов, никакого будущего для этих людей, как и для миллионов других, быть не может (Березовский Б. Коммерсант-Daily. 27.11.1999).

Если и дальше будет продолжаться экономическая политика, которая проводилась в последние годы, то страну ждет полный крах (Зюганов Г. ЭМ. 05.10.1999).

КС с тематическим компонентом ВОЙНА

Создание дискурсивного элемента с компонентом война обусловлено:

- ведением боевых действий на территории страны: *Чечня, где в течение многих лет свой собственный народ бомбят авиацией, утюжат танками,*

расстреливают из пушек, минометов, пулеметов и автоматов! (СР. 23.11.1999);

- ведением боевых действий в соседних государствах, с которыми ранее были тесные взаимоотношения: **Расстрелянная натовцами Югославия** (Илюхин В. Завтра. 14.12.1999);

- тяжелой криминальной обстановкой в стране: **В стране идет настоящая война** (НПСР Воззвание к патриотам России 11.10.1999).

Создание социально негативного семиотического пространства требует аргументации посредством верификации преподносимой информации, для чего политики часто прибегают к использованию историко-культурных реалий: **Мы отрезаны от морей, к которым пробивался Петр I. Сданы крепости, которые брал Суворов. Сломаны рубежи, которые отстаивал Жуков** (НПСР Воззвание к патриотам России 11.10.1999).

Такая тактика направлена на придание статуса достоверности преподносимой информации, поскольку историко-культурные факты однозначны, эмпирически обоснованы. Апелляция к прецедентным феноменам обуславливает также доказательство принадлежности к той же социальной группе, что и адресат.

2.4. Делегитимация оппонента

Реификация оппонента непосредственно связана с его делегитимацией. Интенциональность речевых актов данной стратегии ориентирована на дегуманизацию противника, на проявление и выработку отрицательных ассоциаций с соответствующими объектами коммуникации. Отрицательные оценки более кратки и не требуют развернутых описаний в применении к реальным объектам [Дитрих 1999].

Делегитимация оппонента более эксплицитно проявляется в языковой агрессии. К специализированным знакам языковой агрессии в политическом

дискурсе относятся, по мнению Е.И. Шейгал [Шейгал 2000:131-133], прежде всего маркеры «чуждости»:

- дейктические и полнзначные знаки, содержащие компонент дистанцирования: *эти, они, и уже с ними, там, американские, заграничные и др.*;
- показатели умаления значимости – идентификаторы нижнего уровня тимиологической оценки: *всякие, разные, какой-нибудь там*. Под тимиологической оценкой понимается оценочное ранжирование по параметру «*важное, существенное, значительное, серьезное – неважное, несущественное, несерьезное, то, чем можно пренебречь, на что не следует обращать внимания*». Выражаемые данными местоимениями значения «*обезразличивающего обобщения*» и «*обезразличивающей неопределенности*» выводят референт за пределы круга «*своих*» и тем самым индуцируют коннотацию пейоративного отчуждения. Таким образом, тимиологическая оценка имплицитно оценивает аксиологическую: умаление значимости превращается в принижение и унижение, что, в свою очередь, оборачивается отстранением и отчуждением;
- показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов: кавычки и лексические маркеры *якобы, так называемый, пресловутый*. Деривационно-смысловая цепочка пейоративного отчуждения в данном случае выглядит следующим образом: «*сомнительный, не заслуживающий доверия – потенциально опасный – чуждой, незнакомый – враг*».

В корпусе инвективной лексики политического дискурса разграничиваются общие пейоративы со значением «*негодяй*», «*ничтожество*» (*посмешище, подлец*), специальные пейоративы, называющие носителей конкретных пороков («*извращенец*», *мошенник, вор, убийца, предатель, провокатор*), и обсценная лексика.

На макроуровне при комплексном подходе выделяются два вида стратегий аргументированной делегитимации оппонента:

1. Апологизация своей собственной стороны. При этом оппонент не называется эксплицитно, и его позиция не аргументируется. Стилистически данная стратегия характеризуется эвфемизированными и гиперболизированными выражениями, где по степени выражения имплицитности образа врага выделяются два типа.

А. Прокламация своей собственной позиции на фоне существующей общественно-экономической ситуации. Диффамация оппонента конструируется на уровне пресуппозиции или имплицатуры: **С Зюгановым жизнь наладится** (слоган предвыборной президентской кампании 2000 года). В данном случае имплицитно выражается неадекватное состояние жизни в настоящий момент времени, при руководстве, соответственно, оппонентов. При этом причиной неадекватного состояния жизни является неумелое, неэффективное руководство оппонента.

Б. Критика какой-либо “мистической” референтной группы, которая объявляется фаталистической, неизбежно обреченной к неудаче. Тематически находит свое место обсуждение ситуативно-неадекватных позиций оппонента, и в результате подчеркиваются преимущества собственной позиции: **...сегодня видны проколы тех политических сил, которые для нас конкуренты** (Жириновский В. Пресс-конференции 03.11.1999).

2. Непосредственная дескриптивная характеристика оппонента, который персонифицируется и конкретизируется в данном случае. Этот тип дискредитации оппонента характеризуется более распространенной системой, и в нем можно выделить несколько методик:

а) использование неаргументированных утверждений по типу “он-плохой”: **Когда Чубайс, господин Чубайс обвиняет нас в предательстве, то он, как всегда, выступает нагло и очень бесчеловечно** (Явлинский Г. НТВ, «Глас народа». 26.11.1999). Сюда же относится стратегия феминизации оппонента – как через прямое атрибутирование ему феминных свойств (или сравнение его качеств и поведения с женским), так и через отказ в обладании

качествами мужскими, «нормальными». Использование гендерной метафоры обеспечивает семиотическую транспозицию, заложенную в оппозиции «мужское – женское», которая выступает в роли культурной матрицы отношения к «Другому». Обозначение «своих» и «чужих» как мужественных или женственных применяется для имплицитной оценки обоснованности их притязаний на власть: *Какая замечательная, прекрасная, блестящая, ничем не пробиваемая позиция! Я ни за что не отвечаю, я все эти годы стоял в стороне и смотрел, я все эти годы вот так указывал: это сделать, то сделать, это неправильно, а тут все провалено. Блестящая позиция, о которой можно только мечтать. Знаете, такой образ **чистой, честной, непорочной, неподкупной невесты**. С одной проблемой - невесте шестой десяток* (Чубайс А. НТВ, «Глас народа». 26.11.1999);

б) аргументированные негативные оценки, среди которых выделяются дескриптивные конструкции, касающиеся следующих моментов деятельности оппонента:

- некомпетентность в различных сферах профессиональной деятельности, недостаточный опыт: *За последние 8 месяцев **Владимир Путин и его союзники** из КПРФ показали, что они **неспособны** к такой политике; **нынешний режим** провести подобные выборы абсолютно **не способен*** (Явлинский Г. Выступление перед доверенными лицами. 03.03.2000);

- превышение должностных полномочий: *Знаете, у нас **Конституции нет**, у нас есть **Вешняков**. Он, чиновник, **решает**, кто будет участвовать в выборах* (Жириновский В. ОРТ. Авторская программа С. Доренко. 19.02.2000);

- нанесение ущерба стране и ее жителям: *Этот режим спровоцировал **формирование масштабной теневой экономики и феодализацию власти** в регионах* (Лукин В. КП. 26. 01.2000); ***Волошин** - это человек, который, как мне кажется, очень во многом **навредил** государству* (Примаков Е. МК. 12.11.1999);

- негативный морально-этический облик: *Вы все-таки **уникальный лжец*** (Явлинский Г. НТВ, «Глас народа». 26.11.1999);

- нечестность, невыполнение обещаний в прошлом: *Совершенно не подкрепленные ничем обещания. На 20% повысим пенсию: Обман! Потому что в результате инфляции пенсия фактически будет понижена. В полтора раза увеличим затраты на ВПК: Опять обман. В результате инфляции ВПК получит меньше денег, чем теперь* (Говорухин С. Московская правда. 19.02.2000);

- конструирование негативного будущего: *Примаков будет выстраивать империю. И как любой, кто выстраивает империю, он будет точно понимать, что цель оправдывает средства. А цена - человеческие жизни* (Березовский Б. Коммерсант-Daily. 27.11.1999);

- болезненное состояние как психическое, так и физическое: *Мы направим его на психиатрическую экспертизу, это мы ему обещаем* (Жириновский В.В. ОРТ. Авторская программа С. Доренко. 19.02.2000); *А страна окажется в крайне тяжелом состоянии - ведь президент в далеко не лучшей физической форме* (Примаков Е. МК. 12.11.1999);

в) обвинение объекта дискредитации в проявлении отношений с людьми, организациями, которые вызывают отрицательные ассоциации: *Им это чуждо. Им лучший горн из Израиля, из Лондона, из Нью-Йорка, из Вашингтона* (Жириновский В. НТВ, «Глас народа», 30.11.1999);

г) сравнение объекта дискредитации или его деятельности с историко-культурными и литературными персонажами, имеющими отрицательный мифологизированный образ: *Понимая, что на такие вопросы им будет нечего ответить, нынешние антикоммунисты прибегают к нехитрому приему а-ля Аль Капоне. Как известно, этот руководитель кровавого клана американской мафии заявлял, что он самый честный человек, убивающий во имя справедливости в преступном обществе. Современные "демократы" также попросту объявляют все зло в мире, так сказать, "рукой коммунистов"* (СР. 23.11.1999).

Дегуманизация оппонента выражается лексически в эмоционально окрашенных единицах, ярлыках, имеющих сильную идеологическую направленность (*антинародный режим, антирусские, прозападные, коррупционер, кучка олигархов, прозападные краснобаи*). Данные идиомы выражают упрощенный

образ оппонента, который в свою очередь является продуктом целенаправленного манипулирования сознанием.

Некоторые ученые [Романов 2000; Шейгал 2000] подчеркивают, что в качестве ярлыков чаще всего выступают идеологемы, как с устойчивой пейоративной коннотацией (фашисты, оккупанты, расисты), так и нейтрально-оценочные, открытые для амбивалентного толкования (коммунисты, либералы, демократы). Ярлык направлен не на объективные свойства личности, микросоциума, событий, деятельности, а на обозначения по признаку идеологической инородности. Коммуникация характеризуется одномерным речевым поведением, одномерной примитивизированной картиной действительности, где жесткая оценка дискриминативного типа элиминирует множество интерпретаций личности.

Будучи разновидностью лексической инвективы, ярлык отличается рядом признаков. Для него характерна идеологизированность, субъективность и предубежденность.

Суть ярлыка заключается в его обвинительной направленности: становясь ярлыком, имя используется не столько для характеристики денотата и отнесения его к классу, сколько для обвинения в опасных для общества свойствах. Ярлык фиксирует реальную или мнимую социальную девиацию либо с позиций общества, либо исходя из представления о политической целесообразности той или иной социальной группы (политического движения).

В качестве ярлыка нередко используется антропоним – имя политика в репрезентативно-символической функции как воплощение качеств политического деятеля, получающих резко негативную оценку в обществе.

Ивективную функцию в политическом дискурсе могут выполнять определенные манипуляции с именем политика [Романов 2000].

Одним из распространенных средств, используемых в качестве политического ярлыка, являются этнонимы (в качестве врага выступает представитель иной этнической группы). Для политического дискурса националисти-

ческой ориентации характерна политизация этничности, т.е. замещение политической оппозиции этнической: *МЫ (русские, славяне) – ОНИ (враги, не русские, не славяне)*. Во втором звене этой оппозиции реализуются все разновидности этнической неприязни: этнофобия (собственно этнонимы), региональный негативизм (*азиаты, кавказцы, Запад*), конфессиональный негативизм (*иноверцы, иудеи, сионисты, мусульмане*), ксенофобия (*инородцы, нацмены*) [Шейгал 2000:133-134].

Система ярлыков соотносится с определенной общественно-политической группой и соответствующей системой ценностей, поэтому имеет место большое разнообразие диффамационных единиц. Ярлык объединяет людей в определенные социальные группы или выводит их за пределы таковых. Тем самым создаются предпосылки для усиления предубеждений против членов выделенной таким образом группы. Коммуникативная перспектива говорящего/слушающего позволяет различать солидаризирующие и изолирующие стратегии, которые, однако, полностью разделить. Определение группы “*мы*” (“*свои*”) всегда осуществляется относительно группы “*чужие*” и наоборот. Будучи аффективно заряженными, ярлыки заменяют собой обоснование и рассуждения и соотносят действительность с рамками легко воспринимаемых денотатов.

Ярлык может также проявляться посредством трансформации антропонима в этноним, которая основана на абсолютизации или приписывании признака иноэтничности (*Этими полномочиями будут пользоваться Чубайсы, Березовские - вся эта команда, и будут по стране расставлять свои кадры* (Зюганов Г. ЭМ. 23.03.2000), а также в топоним (*Архипелаг Ельцаг*).

2.5. Амальгамирование (мы-дискурс)

Мы-дискурс выражается в стратегиях интеграции с какой-либо социальной группой, которая тесно соотносится со стратегиями номинации [Wodak, Seldak 2000]. Психологической основой манипулятивного использования

знаков интеграции является их способность обеспечивать контактную фазу общения [Шейгал 2000:131].

Лингвистически Мы-дискурс выражается посредством следующих вербальных приемов.

1. Личные и притяжательные местоимения (*мы, наши*). В оппозиции «свой» - «чужой» первый элемент маркирован гораздо слабее, нежели второй: *«Нашесть может маркироваться возвышенной лексикой и торжественно-приподнятой тональностью»* [Романов 2000:24].
2. Лексемы со значением совместности (*вместе, единство*). Наиболее характерным примером могут послужить названия партий и движений, названия которых эксплицитно или имплицитно выражают концепцию единения (*Отечество-Вся Россия, Единство, За Победу*).
3. Собирательные лексемы с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией групповой (социальной) отнесенности (*друзья, товарищи, сограждане, соотечественники*). Чаще всего данные лексические средства, а также этнонимы употребляются политиками в обращениях вместе с эмотивно заряженными прилагательными (*Дорогие сограждане*).
4. Этнонимы (*россияне, москвичи*). Использование этнонимов способствует выделению группы-адресата по локальному признаку.
5. Топонимы (*Россия, Москва, Санкт-Петербург*).
6. Сравнительные обороты со значением причастности (я, как и вы): *Сегодня, в новогоднюю ночь я, как и вы с родными и друзьями, собирался выслушать слова приветствия президента России Бориса Николаевича Ельцина* (Новогоднее обращение В.В. Путина, 31.12.2000).
7. Грамматические формы непрямого императива со значением включения в сферу его действия говорящего: *Пожелаем друг другу тепла, счастья, любви* (Новогоднее обращение В.В. Путина, 31.12.2000).

8. Специфические маркеры социальной (групповой) отнесенности (*пролетарский, коммунистический, демократический, либеральный*). Данные лексические средства представляют собой ориентационный компонент. Употребление политических аффективов [Шейгал 2000:130] способствует идентификации политического агента, обеспечивает его приверженность определенной группе. Благодаря своей социально-политической коннотации («я свой», «я с вами») парольные слова выступают в суггестивной функции и способствуют успеху оратора у слушателей тех социальных групп, с которыми он желает идентифицироваться.

9. Безагенсные (*надо настоять, было сделано, требуется*) и псевдоагенсные конструкции (*обстановка требует, течение событий покажет, СМИ должны*), которые деперсонифицируют политического деятеля и соотносят его с некой референтной группой (администрация, партия).

10. Гиперболизированные выражения со значением положительной коннотации и значением разделяемых общечеловеческих ценностей: **Все честные люди видят** ту обстановку, в которой находится наша страна, наше общество, **понимают** насколько обстановка подошла к критическому рубежу, и **ищут** выход из этой драматической ситуации (Зюганов. Г.ЭМ. 08.12.1999).

В данном примере «все честные люди» подразумевают, что реципиент также причисляет себя к разряду «честных людей», а значит «видящим, что происходит».

Коннотативный элемент вышеизложенных методик представляет собой комбинацию двух аспектов: собственно эмотивный план (чувство солидарности, гордости, надежды) и социально-политическую коннотацию, которая имплицитно выражает концепт единения.

В особую группу можно выделить обращение политиков к прецедентным именам, тем самым подчеркивая, что ценностно маркированными для них являются те же имена, что и для электората [Бакумова 2001]. Данная стратегия направлена на возбуждение эмпатии у избирателей: *Перед глазами вдохновляющий пример наших великих предков: Александра Невского и Дмитрия*

Донского, Козьмы Минина и Дмитрий Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, Владимира Ленина и Иосифа Сталина, Георгия Жукова и Александра Василевского, Игоря Курчатова и Сергея Королева (НПСР. Воззвание к патриотам России. 11.10.1999).

Использование прецедентных имен [Гудков 2000:47] функционально направлено на:

- реификацию и конкретизацию абстрактных понятий;
- участие в признаковом дейксисе;
- создание экспрессивного эффекта, выражение эмотивной оценки;
- выражение не прямой оценки;
- реализацию функции «*пароля*» для своих.

Мы-дискурс также выражается посредством общей тональности речетворчества политиков.

Некоторыми лингвистами [Шейгал 1999; Романов 2000] выделяются основные функции Мы-дискурса:

1. интегративная функция (инклюзивное *мы*), функция солидаризирования;
2. функция противопоставления и отчуждения (эксклюзивное *мы*);
3. манипулятивная функция (мы как прием расширения ответственности, перекладывание ответственности с индивида на группу, в частности, легитимация предубежденных речевых актов);
4. фасцинативная функция (воодушевление, создание чувства сопричастности);
5. магическая (заклинательная) функция (мы в значении гиперболической множественности);
6. имперское *МЫ* (повышение властного статуса лидера).

Мы-дискурс неразрывно связан с понятием «нация» как наиболее универсальной легитимной ценностью в политической жизни [Миллер 1997]. Особенность этого когнитивного элемента состоит в том, что он пробуждает

целый спектр эмоций, накопившихся за долгое время его употребления, и, как всякий символ, неоднозначен. К. Вердери [Verderi 1993:38] определяет понятие «нация» как «*базовый оператор в системе социальной классификации*», «*элемент политического и символично-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования*».

Все политические субъекты вынуждены вступать в борьбу за право утвердить в обществе собственное толкование нации и тем самым становятся участниками националистического дискурса, используя понятие нации в качестве мобилизационного ресурса.

2.6. Героизация

Первопричиной всего позитивного, что происходит или может происходить в обществе, также оказывается наделенный мифическими чертами персонаж: благородный монарх, харизматический лидер или герой. Мифологические представления формируются преимущественно дедуктивным методом: в их основе лежит обобщенный идеологический миф, к которому приспособляются данные реального опыта [Дилигенский 1996:56-57].

Героический дискурс опирается на пропозиционирование основного тезиса *я/он-хороший (Я считаю, что он достойный человек. Шойгу - очень порядочный человек... Он хороший руководитель. Успешный министр* (Путин В. Время MN. 27.09.1999).

Данная пропозиция эксплицируется посредством следующих стратегий:

1. Высокие морально-этические качества:

Я приверженец традиционной морали, христианин. Поэтому я всячески избегаю любых зланных мест: ни разу в жизни не был, например, в казино (Доренко С. Вечерние ведомости. 24.11.1999).

Шойгу - душа "Единства" (Грызлов Б. НГ. 29.01.2000).

2. Деятельность в интересах народа или реализация общепринятых ценностей:

... легендарный генерал Лев Рохлин, которого боготворила не только армия, но и все, кому сегодняшняя жизнь не по душе (Илюхин В. Завтра.

14.12.1999).

*Я считаю, что у Путина есть два качества, которые позволяют ему стать лидером в России. Это то, что он понимает и пытается сегодня **реализовывать либеральные ценности в России** (Березовский Б. Коммерсантъ-Daily. 27.11.1999).*

3. Высокая профессиональная компетентность:

*У меня есть **опыт** на Кавказе, **глубочайшая убежденность**, что вопросы там должны решаться и могут быть решены только мирными способами (Березовский Б. Коммерсантъ-Daily. 22.10.1999);*

*Я работал с Валентиной Ивановной последние одиннадцать лет, я ее очень хорошо знаю как **прекрасного работника**.... В МИДе она вообще была **одним из лучших послов**. Я, как министр, был в Греции, я **видел ее на месте**, в деле, видел, как к ней относятся.... И она **блестяще работала на своем посту**, отвечая за социальные вопросы. Она **один из лучших работников в правительстве** и не случайно она оставалась при всех моих приемниках (Примаков Е.М. НТВ, «Герой дня». 27.03.2000).*

4. Достижения (в системе ориентаций ценностей общества):

*Мы, наконец, стали **вовремя платить пенсии**. Начали по возможности **помогать нуждающимся** (Путин В.В. Открытое письмо Владимира Путина Российским Избирателям).*

В этом случае также примирительны аллюзии положительного исторического опыта для верификации «правильности» своей стороны: *при **советской власти** наша **наука достигла тех высот**, которые просто поразили всех (Зюганов Г. ЭМ. 08.03.2000). Может подчеркиваться уникальность достижения и его благостность в интересах реципиента: **Именно ЛДПР приняла Конституцию**, по которой вы стали губернатором ...И без ЛДПР она не была принята. Мы бы жили в условиях диктатуры сегодня (Жириновский В.В. НТВ, «Глас народа». 30.11.1999).*

5. Непримируемость к нарушителям общих ценностей:

Я буду наказывать тех, кто нарушает конституцию и издевается над нами (Жириновский В. Авторская программа С. Доренко. 19.02.00).

6. Обозначение сходства и тождественности объекта аппологизации с литературными и историческими персонажами, чья позитивная деятельность мифологизирована в массовом сознании и общепринята в рамках социума:

*Вы казались нам героем, вроде такого **Добрыни**, вступившего в борьбу за Российский народ с "Идолищем поганым"!* (СР 07.03.2000).

7. Репрезентация реалий с положительной оценочностью:

*Мы привыкли **гордиться своим богатством** – огромной территорией, природными ресурсами, многонациональной культурой и образованностью нации. Это действительно есть. Но только этого недостойно мало для **великой державы** – России* (Путин В. Открытое письмо Владимира Путина к Российским избирателям).

В этом приеме выделяется репрезентация собственной мужественности, в частности через маскулинность «своего» лидера. Можно обозначить некоторые тактики маскулинизации лидера. Во-первых, это – эксплицированная маркировка («настоящий мужик», «настоящий мужчина»). Во-вторых, это скрытая и, что особенно эффективно, зачастую не осознаваемая, маскулинизация политического лидера. Она включает в себя атрибутирование ему, в частности, увлечения «*мужественным видом спорта*». Так, из предвыборных материалов избиратели узнали, в частности, что В. Путин – мастер спорта по дзюдо и самбо, Г. Явлинский в свое время небезуспешно занимался боксом [Рябова 2001].

Другим конституирующим элементом образа маскулинности является использование менасивных конструкций по прототипу «*боится – значит уважает*», что также восходит к стереотипам времен Советского Союза и холодной войны: **Сильной России бояться неразумно, но с ней надо считаться. Обижать нас – себе дороже** (Путин В. Открытое письмо Владимира Путина к Российским избирателям).

Особую роль в конструировании героического дискурса играют проми-сивы, направленные на создание утопического будущего и затрагивающие социально значимые недостатки общества:

***Возвратить** им (старикам) положенный долг – это не просто социальная, но в полном смысле политическая и **нравственная задача**.*

***Мы** сегодня просто **обязаны обеспечить** надежность права собственности и **оградить** предпринимателя от произвольного, неправового вмешательства в его деятельность (Путин В.В. Открытое письмо российским избирателям).*

Героический дискурс направлен на контактную фазу коммуникации. Это может служить объяснением того, что современный российский политический дискурс характеризуется большим количеством сниженной лексики (*Это мы уже «**проехали**»; Берут под свою «**крышу**» тех, кто никак не может добиться защиты от государства (Путин В.В.)*). Кроме того, употребление сниженной лексики направлено на интеграцию с большинством [Карасик 2001].

2.7. Выводы к Главе 2

Во второй главе была предпринята попытка дать определение манипулятивных характеристик политического дискурса. Говоря о манипуляции, необходимо учитывать, что в политической коммуникации политические субъекты сознательно структурируют дискурсивную реальность, чтобы она отвечала необходимому удовлетворению когнитивных структур реципиента. В связи с этим вводится понятие дискурсивного «комфорта», реализация которого позволяет политическому субъекту максимально интегрироваться в когнитивном плане с реципиентом. Данная операция позволяет говорить о коммуникативной удаче и эффективности воздействия.

Категория дискурсивный «комфорт» конструируется и воспроизводится на ценностно-ориентированной основе, поэтому в политической коммуникации предлагается вычленить трехкомпонентную структуру, ориентирован-

ную на реализацию ценностного компонента и на создание «своей» реальности: «свои» ценности, «я свой», «враги».

Манипуляция в политическом дискурсе опирается на использование стереотипов, которые выражаются в стандартизированных, устойчивых, эмоционально насыщенных, ценностно-определенных образах.

В политическом дискурсе манипуляция выражается в категориях «я/мы-свой» и «враги», направленных на солидаризацию со «своей» целевой аудиторией и на отчуждение от «чужой».

При структурировании категории «они» в политической коммуникации выделяются методики реификации и делегитимации оппонента. Интенциональность речевых актов ориентирована на обнародование и дегуманизацию противника, на проявление и выработку отрицательных ассоциаций с соответствующими объектами коммуникации. Отрицательные оценки коммуникативно более эффективны: они более кратки, не требуют развернутых описаний в применении к реальным объектам.

Категория «свойскости» дискурсивно реализуется посредством амальгирования (мы-дискурс) и героизации. Мы-дискурс выражается в стратегиях интеграции с какой-либо социальной группой, которая тесно связана со стратегиями номинации.

Героический дискурс апеллирует к образу, который является первопричиной всего позитивного, что происходит или может происходить в обществе. В связи с этим основной тематической пропозицией является компонент «я/он- хороший».

ГЛАВА 3 КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА

3. 1. Методология критического анализа дискурса

Основная задача лингвистического анализа политического дискурса состоит в выявлении механизмов сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [Nacker 1996:51].

Критическая традиция появилась в гуманитарных науках во второй половине XX века. Одним из первых лингвистов, который обратился к критическому анализу, был французский исследователь М. Пеше [Pêcheux 1992], развивавший идеи русского теоретика М. Бахтина (Волошинова), еще в тридцатые годы сформулировавшего тезис об интеграции языка и социальных процессов.

В конце 70-х группа лингвистов, представителей школы М. Хэллидея в Университете Восточной Англии стала широко использовать термин «критическая лингвистика» при исследовании языка различных общественных институтов [Fowler, Kress, Hodge 1979].

Понятия «критический анализ дискурса» и «критическая лингвистика» в ряде исследований выступают в качестве синонимов [Wodak 1994; Водак 1997]. Т. ван Дейк определяет критическую лингвистику и критический анализ дискурса как *«единую перспективу при осуществлении языкового, семиотического и дискурсивного анализа»* [Dijk, Kintsch 1983: 131].

Однако в других работах даже тех же авторов понятие «критическая лингвистика» обозначает одно из направлений критического анализа дискурса (условно говоря «школу»), разрабатываемое в Великобритании в 70-е годы XX века [Fowler, Kress, Hodge 1979], со временем частично переросшую в социальную семиотику.

Термином *критический* лингвистика обязана Франкфуртской школе, в особенности Ю. Хабермасу. «Критический означает, по сути, попытку увидеть взаимосвязь вещей» [Fairclough 1992:147]. Термин «критический» не

означает выявление только негативных сторон социального взаимодействия, как это часто понимается [Widdowson 1998].

Р. Водак [1997] выделяет наиболее важные характеристики критического анализа дискурса:

- исследовательский интерес: разоблачение неравенства и несправедливости;
- объект изучения: языковое поведение в естественных речевых ситуациях, имеющих социальную значимость (общественные институты, средства массовой информации, проблемы меньшинств, расизм и т.д.);
- междисциплинарный характер;
- включение исторической перспективы;
- ангажированность исследователя;
- нацеленность на общественно-политическую практику;
- исторический и социальный контекст.

Критический анализ соотносит анализируемый текст с другими видами дискурса (интертекстуальность) и с контекстом в синхронии и диахронии. Хотя критическая лингвистика и критический анализ дискурса, по мнению многих лингвистов, весьма различны по своей методологии, они занимают одно и то же «парадигматическое пространство», и поэтому в данной работе оба термина используются недифференцировано.

Критический анализ дискурса нацелен на анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, изучение социального неравенства, выраженного в языке и дискурсе. Язык в широком смысле есть средство доминирования и социальной силы; он служит для законодательного закрепления отношений организованной власти.

В отличие от других направлений в исследовании текста и дискурса, объектами изучения критического анализа являются не только устные или

письменные тексты. Важно также построение теоретических моделей и описание социальных процессов и структур, которые привели к появлению текста и дискурса. Следовательно, в любом критическом анализе дискурса обязательными ключевыми понятиями будут три концепта: концепты *власти, истории и идеологии*.

Критический анализ дискурса стремится избежать установления простого детерминистского отношения между текстом и обществом. Исследователи, работающие в русле критической лингвистики, придерживаются комплексного подхода, дающего возможность проанализировать давление со стороны политических, промышленных, финансовых и других элит.

Критический анализ дискурса не имеет четкого набора инструментов. В основном он представляет исследовательскую программу с различными теоретическими и методологическими подходами [Wodak 1999].

Дискурс следует рассматривать как форму социального действия, всегда определяемую ценностями, социальными нормами, условностями (в качестве естественных идеологий) и социальной практикой, как правило, ограниченной и находящейся под влиянием структур власти и исторических процессов. В настоящее время направление критической лингвистики широко развивается и имеет целый ряд направлений и школ [Fairclough, Wodak 1997].

Значительную роль в данном плане играет контекст, который является сильным механизмом формирования нужной оценки у нейтральной номинации. Оценка не закладывается в сему номинации, а эксплицируется в ее окружении. Так, различные идеологические установки современных политиков диктуют употребление одних и тех же по значению слов в совершенно противоположных по стилистической окраске контекстах. Например, антонимичные контексты окружают идеологемы «коммунист» и «демократ». Ранее эти лексемы входили в одно концептуальное поле, в настоящее же время составляют семантическую оппозицию [Клушина 2001].

Выборы в Государственную Думу и президенты Российской Федерации показали, что наиболее продуктивными в плане ведения предвыборных кампаний оказались НПСР (24,3% голосов избирателей) и В. Путин (52,9% голосов избирателей) соответственно. Кроме того, Г. Зюганов, лидер НПСР, занял второе место, набрав 29,2% голосов.

В связи с этим в нашем исследовании по результатам выборов мы исследуем наиболее эффективные дискурсы: дискурс НПСР и дискурс В. Путина. При этом что дискурс В. Путина не рассматривается как дискурс отдельного человека. В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения, по которой публичный деятель является объектом работы целой команды людей, направленной на создание и продвижение определенного имиджа.

3.2. Критический анализ дискурса НПСР

Блок Народно-патриотических сил России был сформирован для выступления *«единым фронтом»* партий и движений социал-демократического направления. Основополагающей партией при формировании НПСР явилась Коммунистическая партия Российской Федерации, которую возглавляет Г. Зюганов, ставший во главе блока НПСР. Дискурс НПСР в нашем исследовании включает в себя дискурсы лидеров КПРФ Г. Зюганова, Г. Селезнева, газеты «Завтра», газеты «Правда», газеты «Советская Россия».

Прагматической особенностью дискурса НПСР является назидательность, директивная дидактичность, пафосность. Отличительной чертой данного типа дискурса является его простая синтаксическая структура. В среднем одно предложение содержит 2-3 пропозиции. Данный факт подчеркивает фатичность дискурса НПСР, поскольку такой тип предложений по структуре сближает их с лозунгами, которые направлены не на информативность коммуникации, а на закрепление уже высказанного ранее материала: *Справедливость - это возможность каждому реализовать свои таланты. Работа*

для всех. Перспективы для молодежи. Благополучие семьи. Уважение к достоинству личности и честному труду. Счастливое детство и обеспеченная старость (НПСР. Воззвание к патриотам России. 11.10.1999).

Клишированные выражения служат не просто для подачи нового материала, — то, что может показаться простым штампом, наполнено особым смыслом для всех, разделяющих эти взгляды. Эти абстрактные обобщения являются готовыми понятиями. [Родионова 2000].

Другой особенностью дискурса НПСР является эмоциональность и недостаточная информативность. Чаще всего верифицируемость информации корректируется при помощи неких абстрактных, уже совершенных некогда умозаключений, как-то: *«известно, куда перераспределяются наши национальные богатства»*, *«наконец-то поняли, откуда все беды в России»*, *«кто самые пронырливые ростовщики в мире»* и т. д. Делая вид, что дается точная проверенная, взвешенная информация, авторы сообщений дополняют ее субъективными эмоциональными вставками.

В дискурсе НПСР четко прослеживается дихотомия «*мы*»-«*они*», которая вербализуется как посредством реификации и делегитимации оппонентов, так и за счет аппологизации своей собственной стороны.

Относительно реификации оппонентов в исследуемом материале выделены как наиболее рекуррентные следующие категории:

- *Группы с размытым референтом со значением ВРАГИ,*
- *Ельцин,*
- *Чубайс,*
- *Путин,*
- *Горбачев,*
- *Другие политические субъекты.*

К числу групп с размытым референтом относятся метафоры (*расхитители народного добра, предатели и авантюристы, супостаты, воровская олигархия, горстка алчных дельцов, демократы прописные, ненавистники России, жалкая кучка циничных политиканов, жулики и хапуги.*). Данные выражения

часто подкрепляются маркерами недоверия: *так называемые олигархи, так называемые реформаторы.*

В особую группу объединены референции с компонентом «*власть*». Структурирование образа власти связано прежде всего с ее неудовлетворительным состоянием и недееспособностью: *Последние пятнадцать лет власти действовали и продолжают действовать не только как безответственные временщики, но и как круглые невежды* (Зюганов Г. Работникам образования, здравоохранения, науки, культуры. 10.03.2000).

Образ оппонентов с размытым референтом в дискурсе НПСР имеет двуплановую направленность: во-первых, оппоненты разрушили или помогли в разрушать государство, во-вторых, подчеркивается их нечестность: *противники КПРФ не готовы к честному и открытому соперничеству идей и программ* (Зюганов Г. Выступление на съезде Всероссийского патриотического союза студентов. 13.11.1999).

Образ Ельцина в дискурсе НПСР реализуется посредством клишированных выражений: (*антинародный, русофобский*) *ельцинский режим, ельцинская камарилья, ельцинистские силы, режим «чавкающего борова».*

Большое место в создании негативного образа Ельцина играет трансформация имени собственного в относительное прилагательное, которое имеет сочетаемость только с небольшой группой слов (*режим, курс, политика, команда*), например, *в борьбе против оголтелой, разложившейся и смертельно опасной для страны ельцинской команды* (Зюганов Г. Правда. 05.11.1999).

Словообразовательная модель с именем собственным «Ельцин» в политическом дискурсе НПСР имеет еще одно выражение, а именно образование абстрагированного существительного по продуктивной словообразовательной модели с суффиксом *-изм* в значение «учение, верование» (ср. ленинизм, сталинизм): *за годы ельцинизма.*

В дискурсе НПСР четко прослеживается сочетаемость выражений «*ельцинский режим*», «*Ельцин*», которая выступает в двух видах:

- нанесение ущерба стране (*и теми, кто помогал ельцинскому режиму уничтожать страну* (Завтра. 14.12.1999);
- деградация (*Ельцинский режим разлагается, отравляя собой всю страну* (Зюганов Г. Правда. 05.11.1999).

При реификации Ельцина как врага и его последующей диффамации о используются следующие методики:

- умаления психического и физического состояния оппонента: *Ельцин давно уже, как на игле, сидел на лекарствах; неизменяемый, с продырявленным сердцем Ельцин, которого привезли на каталке...* (Зюганов Г. НГ. 16.03.2000). Часто подобная тематическая задача маркируется показателями неverified достоверности: *А то, что Ельцин уже ни на что не способен, это видел каждый* (Зюганов Г. НГ. 16.03.2000);
- проведение политики, направленной на причинение вреда государству: *Что касается Ельцина и его окружения, то они всегда были против этого Союза и сегодня оттягивают заключение под всевозможными предложениями* (Зюганов Г. Пресс-конференция. 26.11.1999);
- профессиональная непригодность: *Я сегодня близко видел господина Ельцина, всю обстановку. Хочу сказать, он не в состоянии уже сегодня выполнять простейшие, элементарные свои управленческие функции* (Зюганов Г. ЭМ. 08.12.1999);
- провокация военных действий в Чечне: *режим, вскормивший, вооруживший и обеспечивший безнаказанность криминального чеченского сепаратизма* (Зюганов Г. Правда. 05.11.1999).

В дискурсе НПСР наблюдается динамика семиотического поля сочетания «*ельцинский режим*»: если во время ведения предвыборной кампании в Государственную Думу основным референтом был непосредственно Б.Н. Ельцин, то, после ухода в отставку 31 декабря 2000 года, данное словосочетание стало иметь абстрактное значение со смытым референтом: *Более того, во имя самосохранения он (режим, прим. А.Ф.) уже готов пожертвовать даже собст-*

венным создателем и олицетворением – **Ельциным** (Зюганов Г. Правда. 05.11.1999).

Вторым по значимости после образа Ельцина в политическом дискурсе НПСР выделяется фигура Чубайса. Основными тематическими методиками диффамации являются:

- причинение вреда стране: **Чубайс, по сути дела, энергетику разрушил и продолжает убивать эту одну из ведущих отраслей нашей экономики** (Зюганов Г. Пресс-конференция в Государственной Думе. 26.11.1999.). Процесс нанесения ущерба стране выражается как совершенными, так и несовершенными видами глаголов: **Он, по сути дела, погружает страну во тьму, уничтожая лучшую энергетическую систему** (Зюганов Г. РТР, «Вести». 24.02.2000). Данное положение говорит о том, что Чубайс нанес и наносит серьезный вред государству, т.е. он, в отличие от Горбачева, выступает в активной фазе;
- непрофессионализм, повлекший серьезные последствия: **Обвальная спад производства, кризис государственных финансов, хронические невыплаты зарплат, пенсий, пособий, стипендий - таков плачевный экономический итог приватизации "по Чубайсу"** (Зюганов Г. Открытое письмо В.В. Путину. 16.02. 2000);
- хищение государственных средств: **Чубайс это не только разворовывание всей страны...что касается воровства, тут его вся страна обвиняет** (Зюганов Г. РТР, «Вести». 24.02.2000);
- нарушение обещаний: **Он обещал на ваучер по две "Волги" - все ничего не получили** (Зюганов Г. РТР, «Вести». 24.02.2000);
- незаконное выполнение обязанностей: **Он занимает эту должность совершенно незаконно** (Зюганов Г. РТР, «Вести». 24.02.2000).

Наиболее частыми номинациями образа Чубайса становятся лексемы *мрак, тьма, холод, самозванец, аферист, грабеж, уничтожение*. Последняя лексема часто сочетается с прилагательным *главный*, что дополнительно понижает статус данного оппонента. Метафорические сравнения, как видно из

приведенных примеров, носят значение экономического непрофессионализма с одной стороны и экономических преступлений с другой.

Фигура Горбачева тематически также связан с разрушением государства: *В свое время Горбачев разрушил все ценности нашего народа и порвал нервную систему, пронизывавшую всю нашу страну* (Зюганов Г. Э.М. 05.10.1999).

Критика в дискурсе НПСР других политических субъектов строится на следующих диффамационных стратегиях:

- уголовно наказуемые правонарушения: *По нему (Жириновскому – прим. А.Ф.) давно скучает прокуратура. Там лежат все материалы на него. За изнасилование женщины, за осквернение юноши, за то, что на себя записал сотни квартир и машин, за то, что не платил миллионы налогов* (Зюганов Г. Пресс-конференция в Государственной Думе. 26.11.1999);
- причинение вреда стране: *По «Союзу правых сил». Все они сидели в правительственных кабинетах, все они... причастны к растаскиванию миллиардов из федерального бюджета и уничтожению экономики страны* (Зюганов Г. Пресс-конференция в Государственной Думе. 20.12.1999);
- поддержка негативно отображаемых идей: *за внешней критичностью властей предрежащих (Лужков, Степашин, Примаков, Шойгу, Путин прим. А.Ф.), скрывается их преданность идее и практике ельцинского курса* (Зюганов Г. Правда. 05.11.1999);
- незначительная поддержка общества: *Несмотря на бурную антикоммунистическую риторiku «Союза правых сил», и особенно Жириновского, широкой поддержки в обществе этим объединениям не оказано; Если вы посмотрите одномандатные округа, то у «Единства» практически перспектив нет* (Зюганов Г. Пресс-конференция в Государственной Думе. 20.12.1999);
- отсутствие четкой предвыборной программы: *Что касается «Единства» - это наспех сколоченное объединение, которое использовало все современные технологии, подключило к выборной кампании крупные финан-*

совые и административные ресурсы. Но оно **не предложило** обществу даже элементарной **программы** (Зюганов Г. Пресс-конференция в Государственной Думе. 20.12.1999);

- использование плагиата в области политической рекламы: **Все остальные в той или иной мере взяли наши лозунги, под которыми мы работали последние 8—10 лет, и очень эффективно их использовали. Я больше всего был поражен, что даже Явлинский использовал ностальгию нашего общества по стабильным советским временам** (Зюганов Г. Пресс-конференция в Государственной Думе. 20.12.1999);
- причинение ущерба стране в будущем: **Их успех на выборах приведет не только к сохранению нынешнего катастрофического положения и всеобщего гниения. Он вызовет новые тяжелейшие потрясения для страны, спровоцирует новую ломку жизни, очередные утраты, разочарования и беды** (Зюганов Г. Правда. 05.11.1999).

При описании оппонентов часто используются квалификаторы недостоверности: **новые якобы прозревшие оппозиционные и постаси либерально-демократических сил - от "Правого дела" до блоков "Отечество - Вся Россия" и "Единство"** (Зюганов Г. Правда. 05.11.1999).

В политической борьбе лидер НПСР Г. Зюганов во время выборов противостоял сначала действующему премьер-министру, а затем исполняющему обязанности президента РФ В. Путину. В течение предвыборной кампании со стороны НПСР в адрес В. Путина была обращена не столь жесткая критика, как в адрес его предшественника, Б. Ельцина.

Основными моделями дискредитации В. Путина являются:

- продолжение политики, подвергаемой дополнительной дискредитации (политика Б. Ельцина): **В. Путин "будет продолжать проводить старую политику, которая не пользуется в стране никаким доверием"** (Зюганов Г. Выступление на съезде Всероссийского патриотического союза студентов. 13.11. 1999);
- связь с дискредитирующими себя структурами: **Поскольку Путин выдвинут во власть вполне определенной олигархической группировкой, то он будет верой и правдой служить этому клану** (Зюганов Г. СР. 15.04. 2000);

- нарушение законности при ведении избирательной кампании. Конструирование такой конвенциональной структуры может быть имплицировано посредством экспликации информации о нарушении другими силами. Причем данные силы не называются прямо, а имплицировываются посредством употребления пассивного залога: **Нарушается право избирателей на ознакомление с предвыборными программами всех кандидатов. Их агитационные материалы не пропускаются к ввозу на территорию Чеченской республики под предлогом ведущихся боевых действий и запрещения агитации в войсковых частях. В то же время "Открытое письмо" В.В. Путина избирателям вывешено в местах дислокации войсковых частей и подразделений, в том числе и на входах в избирательные участки непосредственно в день голосования** (Зюганов Г. Заявление. 22.03. 2000). Употребление пассивного залога со значением насильственного действия и ссыла на материал оппонента направлены на метонимический перенос данных действий на действия оппонента;

- ведение нечестной избирательной кампании: **Они (Путин, Шойгу, Жириновский – прим. А.Ф.) против честной и нормальной гласности и свободы слова, они просто украли у граждан право честно и спокойно обсудить сложившуюся ситуацию и выработать достойные меры по выводу страны из кризиса** (Зюганов Г. ЭМ. 08.12.1999);

- незначительная поддержка избирателей: **Подобные приемы говорят лишь о глубокой неуверенности тех, кто к ним прибегает, в своем собственном политическом весе; ...не верит в результаты всевозможных социологических исследований, свидетельствующих якобы о всенародной поддержке Путина** (Зюганов Г. СР.15. 04.2000).

- недостаточная компетентность в профессиональной сфере: **А между тем, у Путина с его репутацией "человека ниоткуда" был шанс остановить порочный конвейер беззакония** (Зюганов Г. СР. 15. 04.2000);

- бездействие: **Путин не отвечает и на вопрос, как энергичнее воссоздать Союз. ...Полгода прошло, как он возглавил правительство - экономика стагнирует... Почему премьер молчит, почему не принимается никаких**

мер? Он руководит правительством. Он обязан принять экстренные меры (Зюганов Г. РТР, «Вести». 24.02.2000);

- безволие в принятии решений: *Но воспользоваться им он либо не пожелал, либо ему не дали* (Зюганов Г. СР. 15. 04.2000);

Делегитимация В. Путина по употреблению негативно окрашенной лексики значительно уступает вышеприведенным примерам относительно Б. Ельцина, М. Горбачева и А. Чубайса. Возможным объяснением данному обстоятельству является то, что не было предпринято действий, поддающихся негативной интерпретации, и *«пока людям в стране живется не лучше, а хуже»*.

С образом В. Путина в дискурсе НПСР связываются даже определенные надежды, и можно говорить, что происходит моделирование героического дискурса будущего, несмотря на то, что В. Путин является *«официальным наследником»*: **Путин сумеет правильно осознать реалии современной России. Поймет, что поддерживающая его группировка отнюдь не представляет всей страны. Что именно она ответственна за все социальные и экономические провалы. ... Осознав это, он может начать проводить другую политику, отвечающую интересам страны, а не своего клана** (Зюганов Г. СР. 15. 04.2000).

При диффамации оппонентов в дискурсе НПСР не последнюю роль играет методика создания негативной реальной действительности, а именно образа разрушенной страны. Конструируется картина мира, где слабый, инфантильный, беспомощный *простой народ* тянет руки к сильному заступнику.

В образе Родины следует выделить два главных аспекта: *“Родина — враги”* и *“Родина-Россия как утраченная целостность”*. Вероятно, второй аспект можно условно назвать мифологическим сюжетом о золотом веке. Золотой век Родины относят к разным эпохам прошлого, но наиболее отчетливо ассоциируются с ним два периода: 1) наименее удаленный от нас период крепкого Советского Союза, особенно в годы сталинизма и 2) Россия до революции.

То, что, на первый взгляд, может вызвать удивление, например, как ярые сталинисты находят общий язык с православными и уживаются с ними в рамках одной идеологии, объясняется тем, что образ золотого века для современного националиста увязан даже и не с дорогим его сердцу историческим периодом, а с самой идеей державности и сильного государства.

Все эпитеты, которыми обычно наделяется Россия — *«неодолимая», «страдающая», «поруганная», «истерзанная», «непокоренная»,* — говорят нам не столько о России, сколько о глобальном противостоянии России и ее врагов. Дается понять, что это страна-жертва, подвергающаяся нападениям, издевательствам, находящаяся в бедственном положении и противостоящая агрессии, предательству и т.п. Пустотность главных образов вообще характерна для националистической идеологии. Образ оживает и становится весомым только в ситуации взаимодействия. Только на контрасте с другим, врагом, предателем, тем, кто хуже, видна сущность главных понятий.

Россия не характеризуется безоблачной или богатой. Образ России связан со страданиями и жертвенностью. В основном Родина находится у *последней черты*, и вот-вот перестанет существовать.

Россия в прошлом — грозный и нерушимый оплот, также испытывавший время от времени лишения и страдания. Россия и русские в националистической картине мира находятся постоянно в ситуации экстремума. Они *«на последнем дыхании», «на грани возможного», «перед непоправимой катастрофой»,* в ситуации *«геноцида»* и почти полного *«уничтожения»* или *«истребления»*: *«наш век всеобщего предательства и подлости, неслыханных соблазнов, культа наживы и разложения»; «сатанинский натиск нового мирового порядка»; «вакханалия греха»; «окультурно-эротическое нашествие», «евреи делят между собой русскую экономику»; «обворованная страна».* Макротема любой ситуации семантически определяется как глобальная катастрофа и возводится до масштаба противостояния наций. Враги не только окружают Родину, но и находятся рядом с нами, имеют свою *“пятую колонну”*.

Для создания негативного образа настоящего используются конвенциональные структуры с компонентом «*Национальная угроза*», «*Социально-экономический кризис*»:

Страна у последней черты. Эпидемии давно забытых болезней и замерзающие города. Миллионы безработных и беженцев, бездомных и беспризорных. Сотни тысяч убитых и искалеченных в бессмысленных войнах. Голодные старики и нищие учителя. Заросшие бурьяном поля и опустевшие цеха. Разгул уголовщины, пьянства и наркомании. Духовное одичание и нравственная деградация. Разворованная казна и утрата государственной независимости (НПСР Воззвание к патриотам России 11.10.1999).

В качестве стратегии аргументации при создании образа врага в политическом дискурсе НПСР часто используются показатели количества. При этом указываемые числительные в обязательном порядке должны представлять значительное число. Если речь идет о людях или денежных суммах, то это должен быть порядок не меньше миллиона и т.д. Если затрагивается тема нанесения убытка, выражаемого в процентах или долях, то значение должно быть не меньше половины:

ЗА ГОДЫ ЕЛЬЦИНИЗМА: Россия потеряла 8 миллионов человек. Мы лишились половины промышленности...50 миллионов россиян не в состоянии прокормить себя и свои семьи. 20 миллионов человек – безработные. 10 миллионов – бездомные и беженцы. 5 миллионов детей школьного возраста не учатся. В стране 4 миллиона беспризорников.500 миллиардов долл. украдены у народа и вывезены за рубеж (Зюганов Г. Ваша судьба – в ваших руках. 07.03.2000).

Образ страны, подвергшейся насилию со стороны врага, интенсифицируется путем ввода дополнительных сюжетных линий, а именно конвенциональных структур с компонентом «заговор»:

Вероятно, все это делается по сценарию, разработанному, как вы сказали, "внешним управлением" (СР. 07.03.2000).

Враги России и трудового народа стремятся не только присвоить народные богатства. Они жаждут сломить наш дух, уничтожить нашу культу-

ру, разрушить наше историческое и национальное самосознание. Превратить нас в безгласных, бесправных, покорных рабов (НПСР. Воззвание к патриотам России. 11.10.1999).

Номинализация субъектов заговора происходит при помощи единиц со смытым референтом, что является типичным для идеологического дискурса, когда фатичность, реализуемая за счет неверифицируемости информации, преобладает над информативностью.

Образ страны, находящейся в состоянии разрухи дублируется в перспективе будущего при победе любых других партий или движений. Образ антиутопии в дискурсе НПСР безальтернативен. Обязательными компонентами антиутопии являются еще более глубокий социально-экономический кризис: **Миллионы людей лишатся работы. Начнется новый виток роста цен и инфляции. Рубль упадет, обесценятся сбережения. Произойдет секвестр бюджета, будет объявлен новый "дефолт". Прекратится выплата пенсий, зарплаты бюджетникам: учителям, врачам, военнослужащим. Подскочит плата за квартиру, свет, газ, воду, за услуги транспорта и связи. Начнется ликвидация бесплатного образования и здравоохранения. Но это только цветочки - настоящие ягоды еще впереди** (Зюганов Г. Обращение).

Мы-дискурс в дискурсе НПСР конструируется посредством:

- вокативных конструкций, имеющих: а) четкую идеологическую маркированность (*товарищи*), б) семантический компонент родственных связей (*братья и сестры*), в) семантический компонент проживания на одной территории (*соотечественники*);
- инклюзивного *мы*, имеющего последующую экспликацию, кто такие мы: **Мы, представители различных партий и движений, сыны и дочери многих народов, люди разных убеждений и верований** (НПСР. Воззвание к патриотам России. 11.10.1999);
- промиссивов с инклюзивным *мы*: **Мы будем упорно и целенаправленно стремиться к ..., Мы защитим неотъемлемые права и свободы челове-**

- ка..., **Мы остановим грабеж страны** (НПСР. Воззвание к патриотам России. 11.10.1999);
- императивных конструкций со значением фасцинации: *Прекратим распри, замутившие душу. Поднимемся выше частных ссор и мелких обид;*
 - конструкциями со значением единения (*общими усилиями, вместе*);
 - модальных конструкций со значением долженствования: **Мы должны всячески защищать эти ценности** (Зюганов Г. ЭМ. 08.03.2000);
 - маркированных идеологических конструкций (*коммунисты, товарищи, власть народу*);
 - аллюзии к историко-культурным знаниям аудитории, имеющим положительную коннотацию: **Вспомним: после Победы в Великой Отечественной войне Советский Союз поразил все человечество. В кратчайшие сроки восстановил народное хозяйство. Создал лучшую в мире систему образования и здравоохранения. Передовую науку и великую культуру. Вырвался в космос. Поставил атом на службу людям. Поднял целину. Освоил Заполярье и оросил пустыни** (НПСР Воззвание к патриотам России 11.10.1999);
 - употреблением статусно сниженной лексики (*Всеобщая ограбловка и растащилровка*).

Героический дискурс НПСР конституируется посредством:

- прокламации уникальности своей стороны: **Компартия Российской Федерации – единственная в современной России общественно-политическая организация, которая еще пять лет тому так отразила свое видение будущего в Программе; Удержать страну, сохраняя демократические основы и проводя новый курс - нэп-2000, сможет только КПРФ, наше объединение левых и патриотических сил** (Зюганов Г. Обращение к Работникам образования, здравоохранения, науки, культуры. 10.03.2000);
- аллюзии к положительному опыту предшественников для верификации «правильности» своей стороны: **Сталин ...оказался у руля государства в критический момент, и все сделал для того, чтобы оно собралось и**

- достигло того величия, которое обеспечило нам победу в Великой Отечественной войне, прорыв в космос, создание современных технологий* (Зюганов Г. ЭМ. 21.12.1999);
- прокламации своей стороны как единственного защитника чего-либо (*главный защитник справедливости и государственности*);
 - аллюзией к историко-культурным персонажам: *Уже в принятом на II съезде Народно-патриотического союза России «Манифесте НПСР» мы заявили, что являемся «законными историческими и духовными наследниками героев Куликова поля и Бородина, «Варяга» и Севастополя»; Он не лукавит, когда повторяет ленинское: политика начинается там, где в действие вступают миллионы людей* (СР. 28.10.1999);
 - прокламации превосходства на профессиональном уровне: *Мы же убеждены, что по всем названным вами вопросам президентской деятельности и по всем остальным Г.Зюганов даст сто очков вперед бывшему казэбэшному чиновнику Путину* (СР. 07.03.2000);
 - перечисления инициатив, имеющих общепольное значение: *силы, которые на протяжении всего последнего десятилетия - при всех их просчетах, ошибках, неумелости - твердо стояли на позициях неприятия ельцинского режима и борьбы с ним. Кто не упускал даже самых маленьких возможностей, чтобы схватить за руку обнаглевшую от безнаказанности "партию власти". Кто не позволял ей еще сильнее обворовать людей, урезать и без того почти порушенные их социальные права. Кто стремился возродить чувства уверенности и достоинства в душах* (Зюганов Г. Правда. 05.11.1999);
 - промиссивов с семантическим компонентом «светлого будущего»: *Я обязуюсь гражданам России: Возродить обновленную Советскую власть. Сформировать правительство народного доверия. Покончить с бюрократическим произволом* (Зюганов Г. Обращение к гражданам России. 07.03.2000);
 - номинации институционального статуса (*лидер КПРФ и НПСР, руководитель фракции коммунистов в Государственной думе, герой России*);

- структурирование образа деятельного и очень занятого созиданием блага героя: *мы с вами редко встречаемся только в силу того, что большую часть времени я работаю в регионах, отчитываюсь перед своими избирателями и представляю наши предвыборные программы* (Зюганов Г. Пресс-конференция в Государственной Думе. 26.11.1999);
- декларирования общественной поддержки: *Наше движение "За Победу!" недавно поддержали на своем съезде 447 представителей лучших вузов страны. Поддержали женские организации и движения, ветеранские союзы - от Совета ветеранов до Союза ветеранов всех воинских подразделений. Наше движение очень активно поддержал съезд врачей. Сегодня, я уверен, поддержат и патриотически настроенные отечественные промышленники и предприниматели* (Зюганов Г. Пресс-конференция в Государственной Думе. 26.11.1999);
- вербализации своего потенциала: *Сегодня все понимают, что мы имеем очень сильную команду* (Зюганов Г. РТР, «Вести». 04.02.2000).

Значительную роль в создании героического дискурса играют конструкции, создающие утопический образ будущего при непосредственной деятельности героев: *Построим там величественный храм Руси Грядущей. Могучую и свободную Цивилизацию XXI века, общество социальной справедливости и человеческого братства* (НПСР. Воззвание к патриотам России. 11.10.1999).

Помимо перечисленных особенностей политического дискурса НПСР, включенных в дихотомию «мы» - «они», выделяется четкая агональность существующему общественно-политическому строю, выражающаяся посредством включения метафорических компонентов со значением «борьба». Специфичность выбора данного подхода, вероятно, характеризуется тем, что создание дискурсивной реальности, апеллирующей к борьбе за существование, выполняет магическую функцию, в основном направленную на мобилизацию сил. Подобная дискурсивная реальность структурируется за счет использования:

- единиц с компонентом «борьба» (*победа, борьба, война, защитим, оставшим разрушение*);
- единиц со значением деструкции (*разрушение, положить конец, смести с нашей земли*);
- цитации идеологически маркированных выражений (*Вставай, страна огромная! Знамя победы; За победу; Наше дело правое*).

3.3. Критический анализ дискурса В. Путина

Появление В. Путина в качестве политической фигуры было обусловлено очередным ходом президента Б. Ельцина. Неожиданное выдвижение на политической арене малоизвестной политической фигуры создало сложную ситуацию в политической жизни страны [Вепрева 2000:43].

Прецедентным для образа В. Путина стала фраза “*Who is Mr. Putin?*”. В связи с этим «новичок» фактически не имеет права ошибаться.

Основными априорными категориями образа В. Путина, вступившего в предвыборную кампанию, стали образ человека из силовых структур и победителя во второй чеченской кампании. Стратегически В. Путин как политический субъект представал в качестве образа сильного и жесткого политика, способного обеспечить порядок, сохранив демократические свободы; при этом он – честный, верный, ответственный, проницательный и владеющий собой человек.

Тематическая определенность кампании была направлена на смягчение образа «*жесткой руки*», а также на большую прозрачность и понятность Путина как человека и политика.

Семиотическое пространство образа В. Путина конструируется посредством создания образа героя, основными компонентами которого являются реификация и делигитимация оппонента и мы-дискурс.

Жанровое разнообразие образов оппонентов в дискурсе В. Путина не так многочисленно. Среди них выделяются: вооруженные формирования в

Чечне, выступающие против федеральных сил, олигархи и возможные политические конкуренты.

В создании образа вооруженных формирований используются следующие методики:

- группа с размытым референтом, обозначающая абстрагированные дестабилизирующие силы (*международный экстремизм, экстремистские силы, международный терроризм*);
- использование лексем принадлежности к деклассированным, вооруженным элементам (*террористы, бандитский анклав, бандформирования, боевики*);
- указание на антигуманные действия, на нарушения закона: *Террористы, которые захватывают сотнями ни в чем не повинных людей, содержат их в подвалах, пытаются и предают казни, ... не по политическим соображениям, а с целью получения выкупа, исключительно по криминальным мотивам* (Путин В. Би-Би-Си);
- эвфиминизация и дисфиминизация референции криминальной состоявающей (*лидеры разных бандформирований, устроившие там свою мини-малину; главарь бандформирования*);
- метафоры со значением принадлежности к животному классу: *Мы с вами только что на экранах своих телевизоров видели это животное, которое нам ФСБ в Москву привезло. ...Я имею в виду животное под названием Салман Радиев. Вот такого зверья там еще бегают достаточно. И не исключено, что они могут собираться в стаи и огрызаться, нападать и наносить нам определенный ущерб* (Путин В. Маяк.18.03.2000);
- метафоры со значением болезни: *Мы никогда не избавимся от этой заразы и от этой гангрены* (Путин В. Би-Би-Си);
- дискредитация культуры оппонентов: *Установление на этих территориях средневековых кровавых порядков* (Путин В. Труд. 28.09.1999).

В. Путин настаивает на факте нарушения «закона» «бандитами», четко отделяя «простых чеченцев», «чеченский народ» от «бандитов».

Номинализация и последующая дискредитация политических оппонентов выражается посредством следующих структур:

- неverifiedируемые политические субъекты: *...в условиях предвыборной кампании, раздаются голоса о том, что вот это прообраз какой-то будущей диктатуры, а вашего покорного слугу представляют в виде возможного диктатора. Так вот, **одни и те же люди** с одной стороны, пугают общественность грядущей якобы диктатурой, а с другой стороны, **они** мне говорят: "Дайте указания в ГД, пусть они проголосуют так, как надо, а как надо, мы знаем. Пусть они решат по-другому. Скомандуйте". А **некоторые** из них в частных беседах идут еще дальше...*(Путин В. РТР, «Зеркало». 23.01.2000);
- политические субъекты, выступающие в оппозиции, но без ярко выраженной референции. При этом подчеркивается нечестность ведения политической коммуникации: *И **оппозиция** поняла, что имеет дело с серьезным противником. С этого момента уже начали **говорить** и о **потерях** в Чечне, и о том, что положительные результаты в экономике **случились сами собой** за счет цен на нефть, начали **вбрасывать угрозы "народнения диктатуры"** - то есть началась **атака "по всему полю"*** (Путин В. ОРТ, «Время». 07.02.2000);
- референция на эстетические составляющие программ оппонентов: *тот, кто не жалеет о разрушении Советского Союза, у того нет сердца, а тот, кто хочет его воссоздания в прежнем виде, у того нет головы* (Путин В. КП. 11.02.2000);
- агональность политическим программам или их части относительно ключевых моментов: *И для нас, конечно, **неприемлемыми** являются те **программные заявления**, которые делает руководство Коммунистической партии, касающиеся **передела собственности**, касающиеся **необходимости конфискации и национализации*** (Путин В. РТР, «Зеркало». 23.01.2000.).

Олигархи как оппоненты в политическом дискурсе В. Путина выделяются как *«представители групп, которые срачиваются или способст-*

вуют сращиванию власти с капиталом». При этом подчеркивается, что «таких олигархов не будет как класса». В настоящее время деятельность олигархов оценивается как «маскировка под «полудохлых».

В дискурсе В. Путина практически не затрагиваются конкретные участники политической борьбы, не называются конкретные фамилии. Фигура «умолчания», агональный дискурс с «нулевым» агонем в данном случае направлены на делегитимацию оппонентов, поскольку, с одной стороны, они вообще не конструируются в создаваемой реальности, а с другой стороны, реифицируется образ «человека над схваткой», которому возможные выпады политических соперников не причинят никакого вреда.

Другим немаловажным аспектом дискурса В. Путина является конструирование мы-дискурса. Основными компонентами в данном случае являются:

- употребление вокативов с компонентом близких отношений (*уважаемые друзья*);
- инклюзивное *мы*: **Мы** должны четко себе представлять эффективные пути развития страны (Путин В. Выступление перед доверенными лицами. 28.02.2000);
- аллюзия к национальным ценностям: **Российского человека всегда отличали особый нравственный критерий и единые цели, которые и объединяли нацию. Это позволяло народу выстоять и победить в самые трудные, тяжелейшие годы - и в предвоенные, и послевоенные, и во время войны** (Путин В. Выступление перед доверенными лицами. 28.02.2000);
- отождествление образа «мы» и «страна» (**Мы, конечно, огромная держава**);
- маркированные мифологические элементы (*великая страна; гражданин России; держава; уверенность в завтрашнем дне; активная позиция, политическая воля*);

- цитатация произведений культурного наследия нации (в частности, поговорок): *На то и щука в реке, чтобы карась не дремал* (Путин. В. РТР, «Зеркало». 23.01.00); *Умных людей, как и денег, всегда не хватает* (Путин. В. Время МН. 27.09.1999); *И когда пожар пошел по всему лесу, тут уже и воды не хватит* (Путин В. Труд. 28.09.1999); *Боишься, не делай. Делаешь, не бойся* (Путин В. Коммерсантъ-Daily" 06.11.1999).

Мы-дискурс неразрывно связан с образом страны. Образ великой страны у В. Путина существует в настоящем в отличие от прошлого образа великой страны в дискурсе НПСР: *Россия, можно сказать, неистребима* (Путин В. Выступление перед доверенными лицами. 28.02.2000).

Образ великой страны имплицитно выражается при перечислении достижений ее граждан: *Наши дети собирают золотые медали на международных олимпиадах. Наши лучшие умы востребованы на Западе* (Путин В. Открытое письмо Владимира Путина к Российским избирателям).

Кроме того, подчеркивается международная значимость страны, которая апеллирует к имперским ценностям существовавшего СССР: *А не считаться с народом России невозможно. Россия - это одно из самых больших государств мира и мощная ядерная держава* (Путин В. Зеркало. РТР. 23.01.00).

Наряду с оптимистичным образом страны В. Путин также подчеркивает неудовлетворительное состояние страны: *Еще миллионы людей в стране еле сводят концы с концами, экономят на всем - даже на еде. Родители и дети годами не могут наскрести на проезд друг к другу. Старики, победившие в Великую Отечественную и создавшие России славу мировой державы, живут кое-как или того хуже - побиваются на улицах.* (Путин В.В. Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям).

Дискурсивно данный образ значительно мягче, чем подобный образ в дискурсе НПСР, где реализуется апокалиптический характер происходящих событий. Базисными критериями при неудовлетворительной характеристике состояния государства в дискурсе В. Путина является реализация стереотипов экономической отсталости страны: *Мы практически вытеснены с миро-*

вых рынков наукоемкой продукции, исключая, пожалуй, рынки вооружений и военной техники. По каким-то направлениям науки, технологии, менеджмента, производства мы отстали очень сильно. По каким-то, скорее всего, навсегда. Наше место в "восьмерке", оно, знаете ли, далось нам немалой кровью, с боем, если можно так сказать, и, глядя правде в глаза, не за экономические наши достижения (Путин В.В. "Коммерсантъ-Daily" 06.11.1999).

Другим немаловажным компонентом Мы-дискурса в политическом дискурсе В. Путина является конструирование героического образа.

В дискурсе В. Путина часто элиминируется местоимение *Я*. Вместо этого употребляются безагенсные (*надо настоять, было сделано, требуется*) и псевдоагенсные (*обстановка требует, течение событий покажет*) конструкции. Местоименный эллипсис, являющийся рядовым фактом грамматики ряда языков, в русском дискурсе выглядит маркированным (Кашкин 2001).

Высокая степень безличных предложений у В. Путина указывает на самоотождествление с государством, умаление своей роли и активности как самостоятельной личности (Киктева 2000). Кроме того, данный вид конструкции, солидаризирует автора с аудиторией, поскольку суждения, выражаемые автором, не имеют личностной отнесенности, т.е. априорно выражают общее мнение.

Дискурс В. Путина часто сопровождается переходом с формальной фазы общения на неформальную. При этом происходит нарушение критериев официальности, к которым относятся строго прогнозируемый характер коммуникативных ситуаций, совпадение границ официального общения с границами социально-статусного общения, выбор нейтральных языковых средств общения и т.д.

Признаком неформальной коммуникации является усиление эффективности высказываний путем аффектации дискурса при помощи употребления сниженной лексики из лексикона деклассированного класса (*балбесы; шмотки; чушь; не семечками на базаре торговать; прощелыги, карьерюги; разбабахать; дали по зубам; шпана; покруче*), повторы (*Каждый из*

них отвечает за свой участок работы, и есть только один руководитель, который отвечает за всю антитеррористическую операцию - это руководитель антитеррористического штаба, штаба по проведению антитеррористической операции (Путин В.В. РТР. «Зеркало». 23.01.2000).

И.Т. Вепрева [2000:44], анализируя фразу *«Мы будем преследовать террористов везде...Вы меня извините, в туалете поймает - то мы их и в сортире замочим»* (Путин В.В. 16.09.1999), выдвигает предположение о коммуникативной неудаче при употреблении статусно табуизированной лексики в дискурсе В. Путина. Отмечается унижение достоинства адресата при обращении к нему на языке уголовников, тем самым понижая всю российскую аудиторию до говорящих на этом языке.

Противовесом данному рассуждению может служить прагматическая установка употребления данного рода *«деклассированной»* лексики, а именно номинализация и удержание образа сильной личности. Что, по всей видимости, ему и удалось. Но этот вопрос безусловно остается открытым, так как было верно замечено, что нарушение конвенции для носителя элитарного типа речевой культуры, представителя высшего эшелона власти не допустимо в рамках среды, имеющей довольно высокий интеллектуальный статус. Однако, как уже говорилось, сохранение имиджа интеллектуала, вероятно, не было в приоритетных задачах.

Помимо этого, нарушение норм социального статуса способствовало росту рекуррентности данной цитации в СМИ, что, безусловно, можно считать удачной реализацией поставленной цели.

При реализации критичных установок в чей-либо адрес автор часто приносит извинения: *«Я извиняюсь, чтобы кого-нибудь не обидеть»*. Тем самым выражается образ сильной личности, которая не нуждается в принижении своих противников для создания себе выгодного фона. Вместе с тем это косвенно работает на важную для данного претендента идею консолидированной России: *у президента не может быть собственных*

врагов, кроме врагов всей России, т.е. «бандитов и террористов», что еще раз служит отождествлению Путина с государством.

Путин постоянно обращает внимание на то, что он простой человек, исполнительный и ответственный чиновник. Жесткий контроль за проявлением индивидуальных черт, высокая степень стереотипизации образа усиливаются большим количеством клише: *имеет место быть в моем лице институт президентства; готов на все – ценой своей политической карьеры, - пора остановить развал СССР; верен своему долгу; мы – одна команда, единый организм.*

В. Путин дискурсивно конструирует образ хорошего исполнителя, малоэмоционального чиновника, не помышляющего о верховной власти, но раз предложили – не стал отказываться, взял на себя всю ответственность: **Я просто оказывался на каком-то месте конкретном, и в данное конкретное время возникали проблемы, которые нужно было решать. И я не думал о том, как это отразится на карьере. Я просто знал, что это должно быть решено, искал наиболее эффективные пути решения** (Путин В. ОРТ, авторская программа Доренко С. 04.01.2000).

Подобный образ успешно накладывается на позитивный для левого электората стереотип «слуги народа» - не индивидуалист, а коллективист; «личное» не только не выше «общественного», но практически вообще отсутствует. Путин выступает как чиновник, потенциально способный наладить относительно независимую от индивидуальности руководителя систему, что соответствует культивируемой ценности развитых стран - приоритету над личностью, стоящей у власти, правовой и экономической сфер. Созданный образ сводится к тому, что Путин – это функция: «назначенный исполнять обязанности»: **Я никогда публичной политикой не занимался, никогда не делал публичной карьеры. У меня была другая работа, другой склад характера и как бы другие ценности. Попав на это место, я должен проявлять себя как публичный политик. Но специально таких целей я себе не ставлю. Я просто 29-й премьер России, и нет у меня такой сверхзадачи** (Путин В. Труд. 28.09.1999).

В связи с этим необходимо также рассмотреть вопрос о реализации деятельностного начала в дискурсе В. Путина. Для создания образа деятельного, решительного человека В. Путин прибегает к различного рода фактическим реалиям. Широко используются следующие методики для стереотипизации данного образа:

- фактологическая информация о проделанных делах: *вот сейчас только, вы знаете, я встречался и с министром иностранных дел Италии, вчера с министром иностранных дел Федеративной Республики Германии, намечается визит министра иностранных дел Франции, государственного секретаря США* (Путин В. РТР, "Зеркало". 23.01.2000);
- создание образа компетентного руководителя: *Я всегда подбирал людей (а я, как раньше модно было говорить, на разных руководящих постах работаю уже десять лет) не по цвету кожи, не по группе крови и не по национальности, - я подбираю и подбираю по личным и деловым качествам* (Путин В. ОРТ, "Время". 07.02.2000);
- создание образа профессионального работника: *И я неплохо разбираюсь и в финансах, и в социальных проблемах, так как всем этим пять лет приходилось на практике заниматься самому* (Путин В. Время МН. 27.09.1999);
- признание ошибок: *Это явная наша недоработка* (Путин В. РТР, "Зеркало". 23.01.2000); при использовании методики признания ошибок используется местоимение *мы* и его производные;
- аллюзия на исторические персонажи: *Знаете, я посчитал: я являюсь 29-м премьером в истории правительств России. Премьерами в России были Александр I, Александр II, Витте и другие выдающиеся деятели* (Путин В. Время МН. 27.09.1999);
- бескомпромиссность (*Получится. "Если" - не будет. Мы справимся* (Путин В. Время МН. 27.09.1999);

- маскулинность (*..я с детства занимаюсь спортом, люблю спорт* (Путин В. Би-Би-Си).

Образ «нравственной личности» у Путина строится на статичной этике долга. Человека опять здесь нет, а есть носитель прописных норм и истин, таких как верность, преданность, честность, бескомпромиссность: *понимаешь, что если будешь вести себя неорганизованно и расхлябанно, то это сразу передастся вниз - такой очень плохой сигнал для всей системы управления. Поэтому приходится быть жестким и требовательным* (Путин В. ОРТ, «Время». 07.02.2000).

Мотив насилия как способа установления порядка присутствует в героическом дискурсе В. Путина (*Быстро, решительно, сжав зубы, задушить гадину на корню; Кто нас обидит, тот трех дней не проживет*).

Другим направлением развития образа В. Путина является семиотическое пространство интеллигентного, мягкого человека. Путин говорит о том, что ему досадно и даже обидно, что его обвиняют в суровости, жестокости, повторяет, что он «незлобливый», напоминает о том, что ему приходится быть требовательным в силу возложенных на него обстоятельств.

Мягкость характера характеризуется также сентиментальной эстетикой дискурса в отношении выражения родственных чувств. Знаковыми в этом контексте являются образ отца и матери: *Я помню, как у меня папа на пенсию уходил. Он был самый простой человек - работал мастером на заводе всю жизнь. Но для него выход на пенсию был трагедией. Он в конечном итоге так и проработал до 76 лет - никак не мог оторваться от этого ритма, коллектива, где он работал* (Путин В. ОРТ, авторская программа Доренко С. 04.01.2000).

Семейное отношение также применимо к образу Б. Ельцина: *Это как в семье: мы должны относиться к родителям так, как мы хотим, чтобы наши дети к нам относились. Это старая народная мудрость. Я считаю, что мы должны продемонстрировать очень доброе и человеческое отношение к*

президенту, к первому президенту России (Путин В. ОРТ, авторская программа Доренко С. 04.01.2000).

Программные заявления и выступления носят формальный характер. Дискурс В. Путина характеризуется большим количеством дейксических компонентов дискурса, а именно маркеров привлекающих внимание к теме: *Я уже говорил.... Я уже сказал вам.... Повторю... Еще раз подчеркиваю....* Проявление данных метакоммуникативных элементов говорит о постоянном мониторинге формы и содержания самого сообщения. Функционально данная стратегия направлена на поддержания внимания, контроль количества сказанного, а также на перефразирование темы.

Характеристикой дискурса В. Путина наряду с его высокой информативностью является и фатичность. При исследовании произведений данного автора было обнаружено практически идентичное копирование фраз в разных произведениях:

Был создан бандитский анклав, разбитый на зоны влияния. Во главе каждой зоны стоял свой главарь бандформирования (Путин В. Коммерсантъ-Daily 06.11.1999).

*Другими словами, на территории Чечни **был создан бандитский анклав**, где готовили специалистов для осуществления терактов против руководителей других государств* (Путин В. Время 07.02.2000).

*В результате же территория Чечни ... превратилась в **бандитский анклав**. Более того, вся она оказалась разбита на отдельные **сектора**, где воцарились лидеры разных **бандформирований**, устроившие там свою мини-малину* (Путин В. Время МН 27.09.1999).

Интертекстуальность базовых конвенциональных структур, как и в случае с идеологизированным дискурсом, направлена на воспроизведение ранее преподнесенного материала, а не на репрезентацию новой информации.

3.4. Выводы к Главе 3

Исследование в настоящей работе основывается на критическом анализе дискурса, который нацелен на анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженного в языке и дискурсе.

Дискурс рассматривается как форма социального действия, определяемая ценностями, социальными нормами, условностями (в качестве естественных идеологий) и социальной практикой, как правило, ограниченной и находящейся под влиянием структур власти и исторических процессов.

Объектом исследования послужили произведения, появившиеся в период с сентября 1999 года по апрель 2000 года. В качестве исследовательского материала были выбраны дискурсы политических субъектов, набравших наибольшее число голосов в выборах в Государственную Думу РФ и президента РФ: дискурс КПСР и дискурс В. Путина.

Дискурс КПСР по своей прагматической структуре фатичен. Упрощенный синтаксис подчеркивает лозунговость в текстах. В целом наблюдается высокая степень идеологичности и неверифицируемости дискурса.

В дискурсе КПСР манипуляция конструируется на триаде «враги» - «страна» - «мы». Оппозиционными персонажами, подверженными сильной диффамации, являются Б. Ельцин, А. Чубайс. Кроме того, значительную роль играют группы со смытым референтом. Оппоненты в дискурсе КПСР обвиняются в разрушении страны и причинении вреда гражданам.

Лексически образ оппонентов выражается посредством маркированных политических аффективов с негативной для данной дискурсивной реальности коннотацией.

Образ настоящего страны конструируется при использовании тематических структур с компонентами «социально-экономический кризис» и «на-

циональная угроза». В дискурсе НПСР сопоставляются темпорально дифференцированные реалии прошлого, настоящего и будущего.

Причем прошлое всегда позитивно, настоящее «негативно». Будущее может развиваться по двум вариантам: восстановление равновесия при победе НПСР и антиутопия при победе других политических субъектов.

Мы-дискурс и героический дискурс характеризуется большим количеством маркированных парольных конструкций.

Политический дискурс НПСР имеет ярко выраженное противопоставление существующему экономико-правовому строю.

Дискурс В. Путина, напротив, не нацелен на вскрытие каких-либо недостатков в настоящем. Априорный образ поддерживается конструированием героического дискурса, посредством внедрения лексико-грамматических элементов, направленных на создание образа действенного и жесткого политика.

Структурирование героического дискурса на основе проведения более качественной военной кампании и информационной политики относительно второй чеченской кампании позволило мифологизировать образ В. Путина в качестве защитника страны.

Другим немаловажным аспектом дискурса В. Путина является его идеологическая маркированность в плане выражения образа чиновника (официальный деловой стиль), с одной стороны, и деструкция этого же образа, с другой, посредством употребления табуированной для его статуса лексики. Последний прием имеет довольно сильный эффект и направлен на подчеркивание образа сильной личности.

Образ чиновника, государственного человека выражается в дискурсе В. Путина благодаря использованию местоимений *мы* вместо *я*, а также безагентных предложений, направленных на элиминацию личностных черт говорящего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критический анализ дискурса в том виде, в котором он был представлен в данной работе, является попыткой интеграции комплекса гуманитарных наук, изучающих политику как общественное явление.

Историко-культурный контекст развития отечественной науки не способствовал формированию данного течения в связи с существовавшим идеолого-правовым полем, не позволявшим критического отношения к себе.

Выделения жанровой разновидности *политический дискурс* основано на онтологическом определении «борьба за власть», выводимом из доминантного определения политики как деятельности, направленной на завоевание и использование власти, а также определении дискурса как формы социального действия, регламентированного ценностями, социальными нормами, условиями (в качестве естественных идеологий) и социальной практикой, как правило, ограниченной и находящейся под влиянием структур власти и исторических процессов.

Коммуникативными особенностями политического дискурса помимо тематической заданности являются его институциональность как неперенный атрибут политической коммуникации, конвенциональность, проявляемая в конвенциональных семантических формах (клише, идиомы, шаблоны), идеологичность как средство выражения и конструирования идеологии и сопряженное с последней мифотворчество, которое является неперенным атрибутом существования идеологий.

В данном исследовании прагматической особенностью политического дискурса явилось вычленение манипулятивной и ориентирующей функций как доминирующих, основывающихся на логическом построении с основой на тематический компонент политического дискурса.

Манипулятивность политического дискурса рассматривается в отношении сознательного структурирования дискурсивной реальности, направленной

ной на адекватное отражение базисных когнитивных структур целевой аудитории, что нашло отражение во введении термина дискурсивный «комфорт», который отображает направленность на удовлетворение (номинацию) основных ценностных структур реципиента. В свою очередь дискурсивный «комфорт» выстраивается при реализации ценностной триады, в которой выделяются группы «*свои ценности*», «*я/мы свой/свои*» и «*враги*».

Ценностная доминанта априорно реализует оппозицию «*мы*» / «*они*», функцией которой является солидаризация со «*своей*» целевой аудиторией и отчуждение от «*другой*».

Категория «они» в политической коммуникации дифференцируется посредством употребления методики реификации и делегитимации оппонента.

Ценностно-ориентированная категория «мы» структурируется при помощи реализации «*мы*»- дискурса и героического дискурса. «*Мы*»-дискурс выражается в стратегиях интеграции с какой-либо социальной группой.

Основой для выделения героического дискурса является пропозициональная структура «*я/он-хороший*». Данная стратегия базируется также на легитимации образа, который является первопричиной всего позитивного, что происходит или может происходить в обществе.

Методики реификации и делегитимации оппонента, а также структурирования «мы»-дискурса и героического дискурса выделены на основании исследования политического дискурса предвыборных кампаний политических партий, движений, объединений и независимых политиков в период с сентября 1999 по апрель 2000.

Кроме этого, для верификации полученной методологической структуры и выделения манипулятивных практик был проведен критический анализ дискурса политических субъектов, набравших наибольшее число голосов на выборах в Государственную Думу РФ и президента РФ: дискурс НПСР и дискурс В. Путина.

Семантическая корреляция конвенциональных структур реализуется на макро- и микротекстовом уровне, посредством различных лингвистических методик, направленных на номинализацию и метафоризацию социально-когнитивных объектов структурируемой или воспроизводимой версии дискурсивной реальности.

В заключение, необходимо сказать несколько слов о возможных путях и перспективах развития *анализа языкового общения* и, в частности, *критического анализа дискурса* как важного междисциплинарного исследовательского поля.

Развитие критичности для адекватного функционирования общества является его одним из важнейших атрибутов. В настоящее время данная тенденция только набирает силу в отечественной практике.

Синтез основных наук, занимающихся изучением политического дискурса (социолингвистики, психолингвистики, политологии, политической психологии и социологии), позволит выстроить механизм противостояния манипулятивному воздействию политических субъектов.

Также использование полученных результатов возможно в качестве материала для формирования новых методологических основ для направленного воздействия со стороны политических субъектов с целью получения как можно большего числа голосов при проведении политических кампаний.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АиФ – «Аргументы и факты»

КП – «Комсомольская правда»

НГ – «Независимая газета»

СР – «Советская Россия»

ЭМ – «Эхо Москвы»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулфанова А. А. Семиотика дискурса как воплощение творческой индивидуальности // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 5-9.
- Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л. Наука, 1975. – 275 с.
- Алтунян А. Г. Лозунг в политическом дискурсе // Век XX и мир. – 1994, № 5-6. Электронная публикация: Русский журнал, 1998// www.russ.ru/antolog/vek/1994/5-6/altunyan.htm.
- Алтунян А.Г. Априорные структуры политического текста и проблемы манипуляции общественным сознанием: Тезисы International Conference «Concepts of human behavior patterns in the cultures of the East and the West: Interdisciplinary approach». – 1998// www.rsuh.ru/open_museum/KONF/an0e-tem.htm.
- Алтунян А.Г. От Булгарина до Жириновского: Идеино-стилистический анализ политических текстов. – М.: РГГУ, 1999. – 159 с.
- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136-137.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человечества. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 328 с.
- Базылев В. Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 6-8.
- Бакумова Е. В. Речевые маркеры социально-политической идентификации // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград, 2001. – С. 236-241.

- Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса: аспекты анализа // От слова к тексту: Материалы докл. междунар. науч. конф. – Минск:МГЛУ, 2000. – С. 138-140.
- Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 20 с.
- Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное сознание. – М.: Центр. сов. филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – С. 166-177.
- Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. – 1997. № 6. – С. 108-118.
- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). – М.: Знание, 1991. – 42 с.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (опыт словаря). – М., Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. – 193 с.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 616 с.
- Барт Р. Мифологии. – М. Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
- Безменова Н. А., Белянин Н. Н., Богомолова и др. Оптимизация речевого воздействия. Монография / АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1990. – 239 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
- Бисималиева М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» // Филологические науки. – 1999. № 2 – С. 26-31.
- Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти / Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1985. – С. 88-125.

- Блохин И. Н. Изучение роли телевидения в формировании этнических стереотипов // Средства массовой информации в современном мире. Тезисы научно-практической конференции. – С-Пб, 2001.- 2 ч. – С. 65-66.
- Богданов В. В. Речевое общение // Язык и культура: Сб. обзоров / АН СССР ИНИОН, Редкол.: Березин Ф. М., Садуров В. Г. – М.: Знание, 1987. – 208 с.
- Богданов В. В. Текст и текстовое общение. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – 67 с.
- Богин Г. И. Понимание и непонимание в общении политика с населением // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 11-17.
- Бокмельдер Д. А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2000. – 23 с.
- Борботько В. Г. Общая теория дискурса: принципы формирования и смыслопорождения: Дис...д-ра филол.наук. – Краснодар, 1998. – 250 с.
- Борисова Е. Г. Особенности типов политического дискурса в России // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 17-18.
- Булгакова Л. Н., Захаренко И. В., Красных В. В. Харизма без власти и власть без харизмы (к вопросу о современном российском политическом дискурсе) // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 46-51.
- Бурдые П. Начала. – М., 1994 – 250 с.
- Бурдые П. Социология политики. – М., 1993 – 350 с.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1993. – 522 с.

- Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 44-87.
- Вежбицкая Я. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – 416 с.
- Венциль К. Идиомы в русском политическом дискурсе: Проблема тезаурус, представления: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 345 с.
- Вепрева И. Т. «Мы их в сортире замочим», или штрихи к риторическому портрету В.В. Путина // Политический дискурс в России – 4: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 2000. – С. 43-45.
- Вепрева И. Т. О социально-оценочной функции метаязыкового комментария в публичной речи // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 51.
- Виноградов С. И. Слово в парламентском общении: функции и культурный контекст // Культура парламентской речи.– М.: Наука, 1994. – С. 46-57.
- Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139с.
- Волкова И. Слово Путина: Что показал психолингвистический анализ устных выступлений и.о. президента России // Эксперт. – 2000. №6. – С. 53-57.
- Герасименко Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе (к вопросу о функционировании бисубстантивных предложений) // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1998. –С. 20-23.
- Германова Н. Н. Национальная идеология в структурах бытового диалога // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 52-58.
- Граудина Л. К. Функционально-смысловые типы парламентской речи // Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – С. 24-34.

- Граудина Л. К. Эвфемизмы – дисфемизмы; парламентские и непарламентские выражения // Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – С. 77-90.
- Гудков Д. Б. Настенные надписи в политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 58-63.
- Гудков Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 30-36.
- Гудков Д.Б. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России – 4: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 2000. – С. 45-52.
- Гуревич П. С. Мифология наших дней // Свободная мысль. – 1992. №11. – С. 43-53.
- Дейк Т. А. ван. Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. – Минск: БГУ, 2000 – С. 50-63.
- Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связанного текста / Пер. с англ.// Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. Вып. XXIII. – С. 153-211.
- Дерябин А.А. Дискурсы самоопределения: опыт рефлексии. 2000// <http://two.cityline.ru/~idcriast/shgo/deriabin.htm>.
- Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996 – 352с.

- Дитрих О.В. Авторская метафора в сфере политики. 1999// <http://arctogaia.krasu.ru/laboratory/m3/ditrikh.sthm>.
- Дорлигийн А. Современный русский политический дискурс: лексико-семантический аспект (На материале языка российских газет 90-х гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 129 с.
- Дука А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998, Т. 1, №1. 1999// <http://hq.soc.pu.ru/publications/jassa/1998/1/a9html>.
- Дука А.В. Властные элиты: социологический анализ. – 2002// <http://elis.pstu.ac.ru/dukast.htm>.
- Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 591с.
- Жданова Л. А. **Общественно-политическая лексика (структура и динамика).** – М., 1996. – 224 с.
- Желтухина М. Р., Шаховский В. И. Роль комического в дискурсивном портрете политика // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 101-114.
- Жельвис В. И. Бранный тезаурус как орудие классовой борьбы // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 36-38.
- Заводюк В.Г. Информационный уровень анализа политического мифа. 2000//www.ssu.samara.ru/research/philosophy/journal9/3.html.
- Залевская А.А. **Текст и его понимание.** – Тверь, 2001. – 177 с.
- Зеленский В.В. Послесловие к книге: В. Одайник. Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга. – СПб.: Ювента, 1996. – С. 368-380.
- Земляной С. Кириенко как фигура речи. 1999 // www.russ.ru/journal/kreml/98-04-29/zemlan.htm.

- Зернецкая О. В. Новостийные медиа в политическом дискурсе // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып.2. – Минск: БГУ, 2000 – С. 137-145.
- Зернецкий П. В. Четырехмерное пространство речевой деятельности // Язык, дискурс, личность. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1990. – С. 160-168.
- Иванова Е.Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: Автореф. дис. канд. филол. наук – Волгоград, 2001. – 16 с.
- Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: Интрада, 2001. – 384с.
- Ильин С. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: Рос. полит. энцикл., 1997. – 432 с.
- Иссерс О. С. Паша – «Мерседес», или речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета. – 1997, Вып. 2. – С. 51-54..
- Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. – 1999, Вып. 1. – С. 74-79.
- Карасик В. И. Лингвистика текста и анализ дискурса. – Архангельск-Волгоград: Перемена, 1994. – 36с.
- Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкозн. РАН; ВГПУ, 1992. – 330 с.
- Карасик В.И. Речевая индикация социального статуса человека // Эссе о социальной власти языка. – Воронеж, 2001. – С. 36-57.
- Карманова З. Я. Политический дискурс: поиск убедительности Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 64-67.
- Карманова З. Я. Политический дискурс: риторический аспект Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 47-49.

- Кашкин В. Б. Кого класть на рельсы? (К проблеме авторства в политическом и рекламном дискурсе). 2001// [http:// kashkine.narod.ru/ Articles2001](http://kashkine.narod.ru/Articles2001).
- Киктева Е.А. Динамика образов Г. Явлинского и В. Путина в президентской кампании // Полис. – 2000. №4.– С. 140-145.
- Киреева Е.С. Символические проводники в политическом сценарии // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 67-76.
- Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки. 2001// http://gramota.ru/mag_new.html?id=79.
- Клюев Е. В. Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М.: Наука, 1996. – С. 212-220.
- Комина Н.А. Анализ дискурса в интеракциональной социолингвистике // Лингвистический вестник. – Тверь. – 1999. № 1 // www.teneta.ru/rus/ke/komina_na_analiz_diskursa.htm
- Конецкая В. П. Социология коммуникации. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1997. – 304 с.
- Конфликты в современной России (проблема анализа и регулирования)/ Под ред. д. филос. н. Е.И.Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999 – 344 с.
- Кордонский С. Фундаментальный лексикон: язык и политический спектр в России // Век XX и мир. – 1994. № 1/2. – С. 72-91.
- Кравченко И. И. Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии. –1999. № 1. – С. 3-17.
- Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – 361с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685с.
- Лобок А. М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 272 с.

- Лукашенец А. А., Щербин В. К., Михевич А. Е. Общество - язык - политика. – Минск: Высш. шк., 1988. – 223с.
- Мазиев Ю.М. Сарафанникова Е.В. Мифология политического дискурса в современном информационном пространстве // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 1. – Воронеж, 2001// <http://tp1999.narod.ru>.
- Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь, 1998. – 200 с.**
- Макаров М. Л. Метакоммуникативные единицы регламентного общения// Языковое общение и его единицы. – Калинин: КГУ, 1986. – С. 66-71.
- Макаров М. Л. Социально-дейктическое измерение стиля // Языковое общение: процессы и единицы: Межвуз. сб. науч. трудов / Калининский гос. ун-т - Калинин, 1988. – С. 76-81.
- Макаров М. Л. Этикетные и регламентные свойства обращений // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин: КГУ, 1985. – С. 111-121.
- Макаров М.Л. Динамика социальных представлений в дискурсе // Языковые подсистемы: стабильность и движение: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – С. 64-71.
- Маланчук И.Т. Лингвистические методики анализа политических текстов // Политическое поведение и политические коммуникации: Психологические, социологические и филологические аспекты. – Красноярск, 1994. – 80 с.
- Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 206 с.
- Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Минск, 1998. – 255 с.

- Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 1994. – 207с.
- Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. – 1997. №2. 2001// <http://pubs/Carnegie.ru/p&c>.
- Михальская А. К. Педагогическая риторика: история и теория. – М.: Изд. центр «Академия», 1998. – 432 с.
- Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. – М.: Изд. центр. Академия, 1996. – 192 с.
- Монич Ю. В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // Вопросы языкознания. – 2000. №6. – С. 69-96.
- Наумова С. А. Теоретические модели коммуникационных процессов и политическая коммуникация // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып.2. – Минск: БГУ, 2000 – С. 94-103.
- Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
- Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Полис. Политические исследования. – 2000., № 4. – С.82-93.
- Норман Б.Ю. О креативной функции языка (на материале славянских языков) // Славяноведение. – 1997. № 4. – С. 26-33.
- Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики. 1999 // www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm.
- Петренко В. В. Методология современного политологического исследования: к созданию политической лингвистики. 2001//www.fsf.tsu.ru.

- Поляк О. Е. Когнитивная модель иллокутивной составляющей дискурсивной аргументативной единицы (На материале русского политического дискурса): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 180 с.
- Попова Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газ. интервью): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1995. – 250 с.
- Почепцов Г. Г. Имиджология: теория и практика. – Киев: Из-во АДЕФ-Украина, 1998. – 390 с.
- Почепцов Г. Г. Имидж и выборы. Имидж политика, партии, президента. – Киев, 1997. – 140 с.
- Почепцов Г. Г. Паблик рилейшенз для профессионалов. – М.: Рефл-бу», Киев: Веклер – 1999а. – 624 с.
- Почепцов Г.Г. Как становятся президентами: избирательные технологии XX века. – Киев: Знання, КОО, 1999б. – 380 с.
- Разворотнева С. В. Язык власти, власть языка / Психология и психоанализ власти. Т.1. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1999. – С. 220-233.
- Рижинашвили И.У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления событий в англо-американской периодике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1994. – 17 с.
- Родионова Е. Националистический дискурс газеты «Завтра» // Логос. – 2000. №1.– С. 9-17.
- Романов А. А. Фреймовая семантика в аспекте автоматической обработки текстов // Международный семинар по машинному переводу. Тез. докл.– М.: ВЦП, 1983. – С. 188-190.
- Романов А. А., Романова Е.Г. Имя собственное в политике: язык власти и власть языка. – Тверь, 2000. – 110с.

- Романов А.А. Конфликтный дискурс политика // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 123-126.
- Романова Е. Г. Функционально-семантические свойства перформативных единиц в ритуальной коммуникации: Дис... канд. филол. наук.– Тверь., 1997. – 174 с.
- Рябова Т.Б. Маскулинность в российском политическом дискурсе: история и современность. 2001// www.ivanovo.ac.ru.
- Савельев А. Н. Политическая мифология и политическая технология // Москва. – 1998. № 8. – С. 160-170.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 594-610.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. –128 с.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Язык и наука конца 20 века. – М.: Наука, 1995. – С. 36-48.
- Стриженко А. А. Язык и идеологическая борьба. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1988. – 147с.
- Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. – Минск: Белорус. фонд. Сороса, 1996. – 287 с.
- Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. Сб. науч. тр.: – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1988. – С. 7-13.
- Тураева З. Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
- Ушакова Т. Н., Латышов В.В., Павлова А.А. и др. Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. – М.: Издательский центр «Академия», Ин-т психологии РАН, 1997. – 155 с.

- Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90 гг. XX века: Дис... канд.филолог. наук. – Екатеринбург, 1997. – 256 с.
- Феденева Ю.Б., Чудинов А.П. Метафорическое моделирование в российском политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 96-101.
- Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208с.
- Халипов В. Ф. Кратология как система наук о власти. – М.: Республика, 1999. – 303с.
- Шаховский В.И. Голос эмоции в русском политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С. 79-83.
- Шейгал Е. И., Бакумова Е. В. Идеологема как средство идентификации политика // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 15-19 мая 2001 г.). – Пенза, 2001. – С. 227-230.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Монография – Волгоград: Перемена, 2000 – 368 с.
- Шейгал Е. И. Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – С. 114-123.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
- Agar M. Institutional Discourse. – Amsterdam: Mouton Publishers, 1985. – P. 147-168.
- Altheide D. L. Identity and the Definition of the Situation in a Mass-Mediated Context // Symbolic Interaction. – 2000, Vol. 23, Issue 1. – P. 1-28.
- Altheide D. L. The news media, the problem frame, and the production of fear // Sociological Quarterly. – 1997, Vol. 38, Issue 4. – P. 647-669.

- Atkinson J. M. Understanding formality: The categorization and production of “formal interaction” // *The British Journal of Sociology*. – 1982, Vol. 33 (1). – P. 86-117.
- Atkinson J. M. *Our Masters' Voices: The language and body language of politics*. – London: Methuen, 1984. – 203 p.
- Bergsdorf W. Z. Zur Sprache der deutschen Politik im 20 Jahrhundert // *Mut: Forum für Kultur, Politik und Geschichte*. – Asendorf, 1993. № 311. – S. 26-38.
- Biryukov N., Gleisner J., Sergeyev V. The crisis of sobornost': parliamentary discourse in present-day Russia // *Discourse and Society*. – 1996, Vol.7, Num.3. – P. 149-175.
- Blommaert J., Verschueren J. The Pragmatics of Minority Politics in Belgium // *Language in Society*. – 1991, Vol. 23. – P. 503-531.
- Bloome D., Talwalkar S. Critical discourse analysis and the study of reading and writing // *Reading Research Quarterly*. – 1997, Vol. 32, Issue 1. – P.104-113.
- Bonafous S., Tournier M. Analyse du discours, lexocométrie, communication et politique. – *Mots: Adagp*, 1995. – 117 s.
- Brown G., Yule G. *Discourse Analysis*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – 288 p.
- Carpini M. X. D., Williams B. A. Methods, metaphors, and media research: The uses of television in political conversation // *Communication Research*. – 1994, Vol. 21, Issue 6. – P. 782-813.
- Chilton P. A., Ilyin M. Metaphor in political discourse: the case of the “common European house” // *Discourse and Society*. – London: Sage Publications, 1993, Vol. 4, № 1. – P. 7-31.
- Chilton P. A. *Politics and Language* // *The Encyclopedia of Language and Linguistics* / ed. R. E. Asher. – Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. – P. 3214-3221.

- Chilton P. A. Language and the Nuclear Arms Debate: Nukespeak Today. – London: Pinter, 1985. – 244 p.
- Chilton P.A., Schaeffner C. Discourse and politics. // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. T.A. van Dijk (Ed.). – London, 1997. – Vol. 2: Discourse as Social Interaction. – P.206-230.
- Cloud D. L. The materiality of discourse as oxymoron: A challenge to critical rhetoric // Western Journal of Communication. – 1994, Vol. 58, Issue 3. – P.141-164.
- Currie H. Sociolinguistics and the Two American Orthodoxies. –Texas: Austin, 1975. – 316 p.
- De Beaugrande R The Story of Discourse Analysis // Introduction to Discourse Analysis. Teun van Dijk (ed.). – London: Sage, 1996. – P.35-62.
- De Beaugrande R. Text Linguistics, Discourse Analysis, and the Discourse of Dictionaries // Les dictionnaires specialises et l'analyse de la valeur. Ad Hermans (ed.). – Louvain-la-Neuve: Peeters, 1997. – P. 57-74.
- Dellinger B. Critical Discourse Analysis. 1995//<http://users.utu.fi/bredelli/cda.html>.
- Denton R. E. Jr., Woodward G. C. Political Communication in America. – New York: Praeger, 1985. – 366 p.
- Dieckmann W. Politische Sprache, Politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe. – Heidelberg: Winter, 1981. – 279 s.
- Dijk T. A. van. Critical Discourse Analysis. // Handbook of Discourse Analysis. – London, 1998a // www.let.uva.nl/~teun
- Dijk T. A. van. Discourse and Rasism. // The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies. – Oxford: Blackwell, 1999a. – 16 p.
- Dijk T. A. van. Discourse Semantics and Ideology // Discourse and Society. – Vol. 6, No. 2, 1995b. – P. 243-285.

- Dijk T. A. van. Opinions and Ideologies in Editorials. / The 4th International Symposium of Critical Discourse Analysis. Language, Social Life and Critical Thought, Athens, 14-16 December, 1995a. // www.let.uva.nl/~teun
- Dijk T. A. van. Parliamentary debates. – Amsterdam, 1999b, – 32 p. // www.let.uva.nl/~teun.
- Dijk T. A. van. Discourse, power and access // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. – London. 1996. – P 84-104.
- Dijk T. A. van. Ideologies in political discourse on immigration. 1998b// www.let.uva.nl/~teun.
- Dijk T. A. van. Political discourse and ideology. 2001//www.let.uva.nl/~teun.
- Dijk T. A. van. Political discourse and political cognition. // Congress Political Discourse. - Aston University. – 1997. // www.let.uva.nl/~teun.
- Dijk T.A. van. Prejudice in discourse an analysis of ethnic prejudice in cognition and conversation. – Amsterdam: Benjamins, 1984. – 170 p.
- Dijk T. A. van, Kintsch W. Strategies in text comprehension. – New York: St. Martin's Press, 1983. – 352 p.
- Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana: University of Illinois Press, 1964. – 164 p.
- Edwards D. Script formulations: An analysis of event descriptions in conversation // Journal of Language & Social Psychology. – 1994, Vol. 13, Issue 3. – P. 211-248.
- Ehlich K. Sprache im Faschismus. – Frankfurt: Suhrkamp, 1989. – 326 s.
- Elliot R. Discourse analysis: Exploring action, function and conflict in social texts// Marketing Intelligence & Planning. –1996, Vol. 14, Issue 6. – P. 65-69.
- Fairclough N. Language and Power. – London: Longman, 1989. – 259 p.
- Fairclough N. Technologisation of discourse // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. – London. 1996. – P.71-83.
- Fairclough N. Critical Language Awareness. – London, 1992. – 343 p.

- Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse as social interaction. – London: Sage Publications, 1997. – P. 258-284.
- Fix U. Ritualische Kommunikation in der offiziellen Rede / Sprachgebrauch im Wandel: Anmerkungen zur Kommunikationskultur in der DDR vor nach der Wende. G. Lerchner (Hrsg.) – Frankfurt a. M. etc.: Lang, 1992. – 332 s.
- Forrester M. A., Ramsden C; et al Conversation and discourse analysis in library and information services // Education for Information. – 1997, Vol. 15, Issue 4. – P. 283-296.
- Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. – London and New York: Routledge, 1991. – 254 p.
- Fowler R. On critical linguistics // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. – London, 1996. – P. 3-14.
- Fowler R. Power // Handbook of Discourse Analysis, Vol.IV. – London: Academic Press, 1985. – p. 61-82.
- Fowler R., Kress G., Hodge R. Language and Control. – London, 1979. – 224 p.
- Gaffney J. The language of political leadership in contemporary Britain. – L.: Macmillan, 1991. – 257 p.
- Girnth H. Texte im politischen Diskurs. Ein Vorschlag zur diskursorientierten Beschreibung von Textsorten. // Muttersprache. – 1996. – S. 66-80.
- Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. – P. 195-224.
- Graber D. Verbal Behavior and Politics. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1976. – 361p.
- Groupe de Saint-Cloud. Présidentielle. Regards sur les discours télévisés. – Paris: INA-Nathan, 1995. – 270 p

- Grundy P. Jiang Y. Ideological ground and relevant interpretation in a cognitive semantics. – Stockholm. 1999// www.tulane.edu.
- Hacker K. L. Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research. – New York: State University of New York Press, 1996. – P. 28-55.
- Halliday M.A.K. Explorations in the Functions of Language. – London: Edward Arnold, 1973. – 143 p.
- Harper D. J. Discourse analysis and «mental health» // Journal of Mental Health. – 1995, Vol. 4, Issue 4. – P.347-358.
- Hastings A. Analyzing Power Relations in Partnerships: Is There a Role for Discourse Analysis? // Urban Studies. – 1999, Vol. 36, Issue 1. – P. 91.
- Holly W. Credibility and Political Language // Language, Power and Ideology. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1989. – P. 115-135.
- Hülse R. The discursive construction of identity and difference – Turkey as Europe's others. ECRP Joint Sessions of Workshops // Mannheim, 26-31 March, 1999 // [//www.essex.ac.uk/ecpr/jointsessions/Manpapers/w22/hulsse.pdf](http://www.essex.ac.uk/ecpr/jointsessions/Manpapers/w22/hulsse.pdf)
- Jones P. E.Cognitive Linguistics and the Marxist approach to ideology // 6th International Cognitive Linguistics Conference «Language and Ideology». –
–
Stockholm, 1999 // www.tulane.edu.
- Karen T. Action-implicative discourse analysis // Journal of Language and Social Psychology. –1995, Vol. 14, Issue 1/2, – P. 195-116.
- Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. – Leipzig: Reclam, 1975. – 296 s.
- Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis, Vol.IV. – London: Academic Press, 1985. – P. 27-41.
- Language and Politics. ed by O'Barr W. M., O'Barr J.F. – Paris: Mouton, 1976. –506 p.

- Leeuwen T. van. The representation of social discourse // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. – London. 1996. – P. 32-70.
- Lewis B. Psychotherapeutic discourse analysis // American Journal of Psychotherapy. – 1995, Vol. 49, Issue 3. – P. 371-385.
- Luke A. Theory and practice in critical discourse analysis // International Encyclopedia of the Sociology of Education: Saha (ed). 2002//www.gseis.ucla.edu/courses/ed253a/Luke/SAHA6.html.
- Miller R. R. Language, image and myth. Preliminary considerations // Campaign Language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Election 1984. – Belogna, 1985. – 370 p.
- Parker I. Discourse: Definitions and contradictions // Philosophical Psychology. – 1990, Vol. 3, Issue 2-3. – P. 189-203.
- Parker I. Real things: Discourse, context and practice // Philosophical Psychology.– 1990, Vol. 3, Issue 2-3. – P.227-235.
- Pêcheux M. L'inquiétude du discours. Textes choisis et présentés par Denise Maldidier. – Paris: Editions des Cendres, 1990. – 332 p.
- Pêcheux M. Language, semantics and ideology. – Macmillan, 1992. – 244 p.
- Peters B. Rationalität, Recht und Gesellschaft. – Frankfurt: Praeger, 1991. – 225s.
- Potter J., Wetherell M. Discourse: Noun, verb or social practice? // Philosophical Psychology. – 1990, Vol. 3, Issue 2-3. – P.205-219.
- Quansthoff U.M. Social Prejudice as a Resource of Power // Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. – Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1989. – P. 182-194.
- Rathmayer R. Von Коммерсантъ bis джаст-ин-тайм: Wiederbelebungen, Umwertungen und Neubildungen im Wortschatz der Perestroika // Slavistische Linguistik 1990: Referate des XVI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Bochum // Löllinghausen, 19. – 21.9.1990, Hrsg K. Hartenstein u. H. Jachnow. – München, 1991. – S. 189-232.

- Reiher R. and Läser R. Wer spricht das wahre Deutsch? Erkundungen zur Sprache im vereinigten Deutschland. – Berlin: Aufbau, 1993. – 288 s.
- Remlinger K. Widening the Lens of Language and Gender Research: Integreting Critical Discourse Analysis and Cultural Practice Theory. 1999 // http://viadrina.eu.v-frankfurt-o.de/~wjournal/heft1_99.
- Roberts J. Discourse analysis of supervisory conferences: An exploration // Journal of Curriculum & Supervision. – 1994, Vol. 9, Issue 2. – P136-155.
- Schiffrin D. Approaches to Discourse. – Oxford (UK) and Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994. – 470 p.
- Schudson M. Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s // Media, Culture and Society. — 1997, Vol.19, № 3. – P. 311-330.
- Seidel G. Political discourse analysis // Handbook of Discourse Analysis, Vol.IV. – London: Academic Press, 1985. – P. 43-60.
- Sériot P. Analyse du discours politique sovietique. (Cultures et sociétés de l'Est 2). – Paris: Institut d'études slaves, 1985. – 362 p.
- Sherrard, Carol Developing discourse analysis // Journal of General Psychology. – 1991, Vol. 118, Issue 2. – P.171-180.
- Sornig K. Some remarks on linguistic strategies of persuasion // Language, power and ideology: Studies in political discourse. – Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1989. – P. 95-113.
- Sprachgebrauch im Wandel: Anmerkungen zur Kommunikationskultur in der DDR vor nach der Wende. G. Lerchner (Hrsg.). – Frankfurt a. M. etc.: Lang, 1992. – 332s.
- Stenner P., Marshall H. Critical Discourse Analysis? // Discourse and Society. – 1995, Vol. 6, No. 4. – P. 568-570.
- Thompson J.B. Ideology and Modern Culture // Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. – Oxford: Polity Press, 1990. – P. 56-66.
- Valverde M. As if subjects existed: Analysing social discourses // Canadian Re-

view of *Sociology & Anthropology*. – 1991, Vol. 28, Issue 2. – P.173-185.

Verdery K. Whither “Nation” and “Nationalism”? – *Daedalus*, 1993. – P. 125.

Widdowson H. The theory and practice of critical discourse analysis. Review article // *Applied linguistics*. – 1998, No. 19. – P. 136-152.

Wilson J. The Linguistic Pragmatics of Terrorist Acts // *Discourse and Society*, 1(2), 1991 – P. 29-45.

Wodak R. *Critical Discourse Analysis / Discourse as Social Interaction*, Vol. 2. – London:Sage Publications, 1997. – P.259-284.

Wodak R. *Critical Discourse Analysis at the End of the 20th Century /Research on Language and Social Interaction*. – 1999, Vol. 32, – P.185-193.

Wodak R. Discourses on Unemployment in the EU: the conflict and consensus between diverging ideologies. 2000// www.tulane.edu/~howard/LangIdeo/Wodak/Wodak.html .

Wodak R. “Others in discourse”: racism and anti-Semitism in present-day Austria // *Research on democracy and society*. – 1996, Vol. 3, – P.275-296.

Wodak R., Seldak M. ‘We demand that Foreigners Adapt to our Life-Style’: Political Discourse on Immigration Laws in Austria and the United Kingdom // *Combating Racial Discrimination*. – Oxford, 2000. – P. 217-237.

Wodak R. The development and forms of racist discourse in Austria since 1989 // *Language in a changing Europe*. – Philadelphia, 1994. – P. 1-15.

